

Михаил Румер-Зараев

Возвращение на землю

История о том, как один крестьянин сто горожан прокормил

Огромная чаша зеленоватой или серой в зависимости от светоносности дня воды, набитой солями, лежит среди гор. Их коричневые морщинистые склоны разрезаны вадями — глубокими оврагами, на дне которых — каменистые русла высохших потоков, устремляющихся к морю, называвшемуся по-разному: в Библии — Степным, в Талмуде — Содомским, а в нынешние времена — Мертвым.

В синей дымке виден другой берег. Там горы Моава, Иордания. Если посмотреть на карту, то никаких условных знаков поселений на другом берегу не обнаружишь. Да и вообще, что там, на той стороне? Чем живет это Хашимитское королевство, так же как и Палестина, попавшее в двадцатые годы прошлого века под британский мандат, получившее независимость отнюдь не при таких драматических обстоятельствах, как Израиль, и ныне считающееся одним из самых бедных государств в арабском мире? Я представляю себе, как веет на том берегу тот же, что и здесь, сухой ветер, как величественно плывут по пустыне верблюды, и бедуины пасут библейские стада коз и овец. Там другой мир, другая цивилизация.

И неразрешимым кажется вопрошание — ну, почему, почему две соседние средиземноморские страны, с одинаковым климатом, землями, одинаковыми исходными условиями столь по-разному живут? Одна, практически не имея промышленности, а в сельском хозяйстве используя всего десять процентов пашни, не может прокормить себя, завозит продовольствие, живет на доходы от туризма, безвозмездные ссуды богатым нефтью арабских соседей да на денежные поступления работающих за рубежом иорданцев. Другая — обладая высокоразвитой промышленностью, индустрией высоких технологий, не просто кормит себя, но и экспортирует на полтора миллиарда долларов аграрной продукции. В одной — все то же сонное дыхание Востока, которое было сто лет назад и в

Румер-Зараев Михаил Залманович — прозаик, публицист, постоянный автор «Дружбы народов». Долгие годы работал в российских газетах и журналах: «Московская правда», «Сельская жизнь», «Огонек», «Век». Автор книг «Семейное поле», «По следам Смоленского архива», «Шестствие в ад», «Одиночество власти». В настоящее время живет в Берлине, где редактирует русскоязычную газету. Последние публикации в «ДН»: «Девять российских дней Теодора Герцля» (№ 8, 2010); «Эпизод из жизни ученого» (№ 6, 2011); «Столыпинский проект. Почему не состоялась русская Вандея» (№ 1, 2012); «Другая жизнь и берег дальний» (№ 11, 2012).

Палестине в ее доизраильский период, в другой — современная активная жизнь, наполненная, пожалуй, даже чрезмерным кипением политических страстей...

Некогда евреи-скотоводы, завоеывая Ханаан и не сразу изгнав из плодородных долин местных земледельцев, перенимали у них навыки растениеводства, использовали под земельные угодья склоны холмов, создавая там искусственные террасы и засаживая их масличными и плодовыми деревьями. Но постепенно хананеи уходили из долин, и израильтяне появлялись там во всеоружии приобретенного опыта, начиная сеять на более просторных землях злаки.

Однако, и в библейский период случались времена оскудения земледелия, заброса угодий. Так было при разрушении Первого храма и уходе в Вавилонское пленение, после возвращения из которого приходилось восстанавливать водостоки и террасы на склонах холмов, заново сажать виноградники и плодовые деревья.

В третьем веке до нашей эры придворный египетского царя Птолемея Аристей, посланный в Палестину за переводчиками на греческий язык Библии, пишет, что «страна густо усажена оливковыми деревьями и богата зерном и овощами, виноградом и медом». Но расцвет хозяйства вновь и вновь сменялся запустением, наступавшим после войн и восстаний, пока с приходом мусульман еврейские крестьяне не оставили землю на долгие столетия.

Державинский проект

Были ли в Российской империи евреи-земледельцы? Были. Память о них сохранилась в мемориалах на полях Южной Украины (стела черного мрамора — «посвящается памяти жителей Новозлатопольского района, расстрелянных фашистами за то, что они были евреями»). Или в интернет-переписке потомков колонистов, последних представителей этих крестьянских родов: «Я, внук Красика Менделя Айзиковича, колхозника колонии Межиречь, погибшего при эвакуации колхозного скота на Восток. Мой прадед, Красик Айзик Гилелевич, переселился в колонию "Межиречь" в 1846 г. из Белоруссии».

В Израиле живет Реувен Бесицкий, на девятом десятке жизни занявшийся исследованием своих семейных корней и посвятивший оставшиеся ему на этом свете годы истории еврейских земледельческих колоний. Он пишет об их жизни с эпическим лиризмом: «Украинская степь — зеленый ковер с яркими красками разноцветья и запахом полыни, запомнилась мне в мой первый приезд к дедушке в незнакомую колонию "Межиречь"».

В эту степь «с запахом полыни» предки Реувена Бесицкого двинулись в середине XIX века из болот и лесов Белоруссии. То была классическая переселенческая акция, далеко не единственная в последнее столетие существования Российской империи.

Картина передвижника Сергея Иванова «В дороге. Смерть переселенца»: на фоне пейзажа выжженной степи под белесым небом — покойник в придорожной колее с лицом, покрытым белым платком, на котором лежит икона. Рядом — распростершись ничком, раскинула руки в безутешном рыдании вдова и растопыренные, устремленные вверх оглобли распряженной повозки.

Это сюжет крестьянского переселения на восток, в Сибирь, которое достигло своего апогея в годы столыпинской реформы. А за век перед тем евреев начинали переселять на юг, в жаркие азовско-черноморские степи, завоеванные в ходе турецких войн екатерининского царствования. Впрочем, и то, и другое было этапами программы колонизации огромных пространств стремительно расширяющейся империи.

Их так и называли — колонисты. А создаваемые поселения — колониями. И трудно было себе представить людей менее приспособленных к крестьянскому труду, чем эти худосочные, чернобородые люди в изношенных лапсердаках, всю жизнь занимавшиеся в местечках и селах Белоруссии ремеслами, мелкой торговлей и шинкарством. Почему их надо было гнать за тысячу километров поднимать целину в пустынной южнорусской саванне? Ответ лежит в плоскости геополитической, в российской экспансии на юг и на запад, в результате которой к 39 губерниям империи прибавились еще 11: на юге — малонаселенная Таврическая, Херсонская и Екатеринославская, а на западе — многолюдные земли с центрами в Минске, Витебске, Могилеве, Вильно, Гродно да еще и Курляндия и Волынь.

Тут напрашивается аналогия с временами библейскими, когда судьба израильского царства попадала в русло геополитики того времени и в результате уводились в ассирийский плен десять колен, которые ищут до сей поры, или десятилетиями тянулось пленение вавилонское.

Но, пожалуй, это чрезмерное дежа-вю. Оставим ветхозаветную медь и вспомним, что присоединив в результате разделов Польши западные земли, которые были главным резервуаром восточноевропейского еврейства, екатерининское правительство на первых порах меньше всего думало о судьбе этого пришлого племени.

Однако, со временем разбираться с его судьбами пришлось. И первым это сделал не кто иной, как Гавриил Романович Державин, который, будучи не только русским пиитом, но и сенатором, а затем и министром юстиции, в павловское царствование отправился в город Шклов разбирать конфликт с местными евреями бывшего екатерининского фаворита Семена Зорича, наделенного царицей за сексуальные услуги поместьями в Белоруссии. Став владельцем Шклова, он начал чинить суд и расправу над еврейским населением, что и вызвало жалобы на высочайшее имя.

Проведя несколько месяцев в Белоруссии и основательно, как ему казалось, изучив ситуацию, Державин почувствовал себя специалистом по еврейскому вопросу, написав проект под названием «Мнение об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, об их преобразовании и прочем», который стал фундаментальным пособием для последующей антисемитской литературы.

В этой записке помимо всего прочего «для обуздания корыстных промыслов» евреев предлагалось образовать среди них особый класс сельских поселян, который подлежал бы переброске на степные земли Астраханской и Новороссийской губерний. Цель, таким образом, преследовалась двоякая. С одной стороны — воспитательная: евреи отвращались от пагубных занятий шинкарством, арендой и торговлей, в которых виделись причины разорения белорусских крестьян, и приучались к земледельческому труду, полезному в нравственном и физическом

смысле. С другой же стороны, происходила бы колонизация завоеванных земель, что также крайне важно с имперских позиций.

Записка пошла в сенат, а затем в специально созданный в начале царствования Александра I Еврейский комитет, в котором либеральные вельможи из числа наиболее близких к императору вырабатывали основы еврейской реформы под лозунгом «сколь можно менее запрещений, сколь можно более свобод», характерным для «дней Александровых прекрасного начала». Куда привели эти благие намерения — разговор мог бы быть особый, отметим только, что выработанное в 1804 году этими добросердечными вельможами (там были и Адам Чарторыйский, и Виктор Кочубей, и первое время сам Державин в роли министра юстиции) «Положение для евреев» предоставляло им казенные земли и устанавливало некоторые льготы при платеже податей, которые всегда предоставлялись переселенцам.

Евреи были готовы заниматься земледелием, но только в тех местах, где они жили. Переселение же в жаркие причерноморские степи их никак не прельщало. Но правительство не хотело оставлять этих обуреваемых «корыстными помыслами» людей в Белоруссии. Более того, вскоре началось их выселение из сел и деревень. Массы людей скапливались в городах и местечках, не находя там ни занятий, ни средств пропитания своих многодетных семей. Ничего не оставалось, как ехать в Новороссию, там по крайней мере обещана была не только земля, но и жилье, а также пособие на обустройство. Вот и потянулись обозы в Херсонскую губернию, где уже к 1810 году в восьми колониях жили около 1700 еврейских семей. Через 90 лет их число удвоилось, как удвоилось и количество колоний, где насчитывалось около 19 тысяч человек.

К концу XIX века это были нормальные для того времени крестьянские хозяйства, жившие разве что побогаче, чем окружавшие их украинские. Также как и местные крестьяне, колонисты сеяли, в основном, зерновые культуры, собирая с каждого гектара своего среднего 10 — 15-гектарного надела по шесть-семь центнеров пшеницы. При посевной норме два центнера на гектар получалось сам-три — сам-четыре, что тогда считалось неплохо. Культура земледелия, судя по отчетам Еврейского колонистского общества, у них была такая же, как и у других местных крестьян — та же трехполка. Пропашные — картофель и кукуруза — необходимые для правильного севооборота практически не использовались. Подспорьем в хозяйстве служили ремесла, отхожие промыслы. В известного рода инициативности колонистам отказать было трудно, как, впрочем, и в трезвости, что, естественно, содействовало эффективности хозяйствования.

Но такое относительное благосостояние наряду с крестьянским опытом пришло не сразу. Жизнь первого поколения переселенцев была невыносимо тяжела, о чем довольно подробно рассказывает по результатам своих исторических штудий Реувен Бесицкий, исследовавший быт колонии «Межиречь», основанной его предками в середине XIX века в Екатеринославской губернии.

Надо только представить себе этот тысячекилометровый путь на подводах, месяцы скитаний, которые для многих переселенцев кончались так же, как на картине Иванова. Шесть тысяч человек из 22-х тысяч обитателей белорусских местечек, отправившихся в эту мучительную дорогу, умерли в первый же год от

голода, болезней, непосильного и непривычного труда. Их обещали поселить в готовых домах, но жить в предоставленных им плетневых мазанках, по заключению осматривавшего их петербургского чиновника, «по сырости, холоду и непрочности может заставить одна страшная нужда, которая не боится смерти».

Этот же чиновник, судя по всему то был смотритель колоний барон Штемпель, лишь на месте понял, насколько беспомощны вверенные его попечению люди, не умевшие не только обустроить свое подворье, но и пахать, сеять, молотить, ухаживать за скотиной. Весь крестьянский опыт, приобретаемый людьми обычно с детства, был для них тайной за семью печатями.

Для освоения этого опыта решено было поселить в еврейских колониях так называемых образцовых земледельцев, каковыми являлись немцы-менониты, представители весьма гуманного протестантского вероучения. На каждые десять еврейских дворов — один немецкий. Они-то и осуществляли крестьянский ликбез среди первого поколения колонистов. Может быть, поэтому первым колониям дали немецкие названия — Гуттеданкен, Миттельдорф, Гросс-Люцен, тем более, что обиходным языком евреев был идиш, близкий к немецкому. Но министру государственных имуществ графу Киселеву, чье ведомство занималось переселением, хотелось названий русских и к тому же, поелику возможно, назидательных. Поселения были переименованы и названы — Трудолюбовка, Веселая, Новый Златополь, Межиречь.

В конце XIX века Межиречь представляла собой довольно большую по тем местам деревню на полсотни дворов, в которых обитало 370 человек. Так что в среднем выходило по 7-8 человек на двор. По воспоминаниям последней в роду Забрацких, доживающей свой век в Филадельфии Лилианы Гинзбург, у ее прадеда Янкеля Забрацкого было пятеро сыновей и четыре дочери. Семья жила в глинобитном трехкомнатном доме, крытом соломой, на подворье имелись четыре лошади, пять коров, весь необходимый инвентарь. Забрацкие обрабатывали пятьдесят десятин пашни (десятина — 1,1 гектара). Это были все крепкие деревенские люди, родившиеся на этой земле и обладавшие всеми крестьянскими навыками.

От них пошло племя здоровых, сильных людей, склонных к авантюризму. Между прочим, Троцкий был сыном херсонского колониста Давида Леонтьевича Бронштейна, владевшего изрядным куском земли на хуторе близ села Яновка Елизаветградского уезда. Правда, родители сызмальства отправили способного ребенка в Одессу к интеллигентным родственникам, где он жил, учился и впитывал всякие передовые идеи того времени. Кто знает, может, если бы оставили при себе, одним хорошим земледельцем стало бы больше, а одним вождем мировой революции меньше. Но не нам судить замыслы Бога.

Родом из колонии Веселая был начальник контрразведки Махно Лев Задов, так карикатурно («вошел несколько переваливаясь от полноты, лоснящийся, улыбающийся человек в короткой поддевке, какие в провинции носили опереточные знаменитости и куплетисты...») изображенный Алексеем Толстым в «Хождении по мукам». На фотографии же запечатлен двухметрового роста чубатый детина с пудовыми кулаками — стихийный анархист, человек отчаянной смелости, работавший после Гражданской войны в ЧК и расстрелянный в 37-м.

Особенно много этих молодых еврейских крестьян оказалось в отрядах Щорса — Богунском и Таращанском полку, о чем мне рассказывал сын

начальника разведки Щорса, уроженца еврейского села Кабаны, что под Киевом, откуда родом братья Кагановичи, с которыми он, кстати, был в родстве.

Этот человек получил в Гражданскую войну орден Красного знамени за то, что обезвредил танк, наводивший ужас на удалых красных конников, когда они шли в атаку. В свое время он заехал в морду офицеру, обзвавшему его, солдата-срочника, жидовской мордой и, спасаясь от расстрела, бежал ни много ни мало в Америку, где работал на заводе Форда. Вернувшись во время революции на родину, он воевал сначала у Щорса, а потом стал комиссаром кавалерийской дивизии. Танк не мог утратить его, понимающего, что это всего-навсего бронированная машина. Он подскочил поближе и выстрелил в смотровую щель. Я видел его в старости отставным генерал-майором и, помнится, подивился могучей стариковской стати и полноте сил в столь преклонном возрасте.

Участие колониетской молодежи в Гражданской войне никак не спасало их отцов от погромов и грабежей. Впрочем, к насилию им было не привыкать. Любопытно, что Бесицкий считает погромы, которые учинили в Трудолюбовке, Нечаевке, Межиречи окрестные крестьяне после убийства Александра II в 1881 году, свидетельством благосостояния колониетов. Он полагает, что здесь срабатывала обыкновенная зависть к богатым соседям. Были бы колониеты нищими — никто бы, мол, на их имущество не позарился. Громили колонии и в Гражданскую войну — выгребали хлеб, отбирали скот, лошадей, что ни власть, что ни банда — то погром. И нередко убивали хозяев. Так погиб прадед Лилианы Гинзбург Янкель Забрацкий, представитель второго поколения переселенцев, уже родившийся и всю жизнь крестьянствовавший на этой земле.

Дальше досказывать немного — коллективизация, война, Холокост.

В сентябре 1973 года я ехал по обычным своим журналистским делам на райкомовском уазике по херсонской степи. По обеим сторонам дороги до самого горизонта виднелись ровные как стол поля, обработанные до самой малости — в черных полотнох зяби, в могучих зеленых стеблях клещевины или в пожелтевших кукурузных будыльях — так что и скот пасся лишь по балкам, заросшим сухой жесткой травой. Мы въехали в село Давидов Брод, названное, как объяснил мне шофер, в честь корчмаря Давида, торговавшего водочкой у брода. «Уж и кости его истлели, а село живет».

— А еще есть у нас село Калинкино, — продолжил разговор секретарь райкома, — где была еврейская колония, вся со стариками и детьми расстрелянная немцами во рву — несколько тысяч человек. До сих пор есть этот ров, даже смотреть страшно.

«Гетто избранничества — вал и ров. Пошады не жди». Так и ушли в ров — в землю — еврейские земледельцы Украины. Это и было концом державинского проекта.

Подобные проекты снова и снова возникали в разных концах ойкумены. Колонии в середине XIX века начали создаваться и в западных губерниях Российской империи, но не так широко и просторно как на степном юге. Зато в Аргентине, куда под покровительством барона Гирша в конце XIX века направился очередной поток еврейских иммигрантов из России, семейные наделы, предоставляемые колониетическим обществом, составляли по несколько сотен гектаров. К 1964 году 780 еврейских фермеров — потомков этих первых переселенцев — владели 450 тысячами гектаров земли, занимаясь на ней

скотоводством и выращивая зерновые культуры. Это получается в среднем около пятисот гектаров на ферму. Есть где разгуляться.

Интересно, как менялся облик еврея — и внешний, и внутренний — по мере его окрестьянивания, укоренения в земле диаспоры. Последние потомки херсонских колонистов сохранили воспоминания о дедах как о крупных, неторопливых, рослых мужиках с руками, раздавленными тяжелой работой.

На архивной фотографии — группа аргентинских скотоводов — стройных, в заломленных назад шляпах, в сапогах для верховой езды, с чертами красивых лиц скорее испанскими, чем еврейскими. Один с гитарой, другие с гордо скрещенными на груди руками. Пастухи из пампы — гаучо.

Артур Кестлер описывает сабров, среди которых он жил в Палестине в тридцатые годы, — сыновей и внуков первых поселенцев из Петах-Тиквы, Ришон-ле-Циона, Метуллы. Он видел «веснушчатых блондинов с широкими лицами и тяжелой костью, они были неуклюжими крестьянскими парнями, непохожими на евреев и слегка туповатыми... Типичной для них была крестьянская привязанность к земле, патриотизм школьников и самоуверенность молодой нации. Их называли сабрами — по имени колючего, довольно пресного плода кактуса: они тоже выросли на сухой и бесплодной почве и были жесткими и упрямыми, как он».

Вот мы и подошли к земле Израиля, к которой подкатывалась, не могла не подкатываться еврейская крестьянская волна.

Первопоселенцы

В начале XIX века под Цфатом существовала единственная в стране община евреев-земледельцев, насчитывавшая пятьдесят семей. Это был последний и причудливый реликт бесконечно далекого прошлого, символизирующий исчезнувшую связь с землей народа, в основном занимавшегося теперь на огромных пространствах диаспоры ремеслами, торговлей, финансовыми операциями — всем тем, к чему вынуждало их существование в рассеянии. В Палестине же в 1880 году среди полумиллионного разноплеменного населения насчитывалось 20-25 тысяч евреев, живших в четырех «святых» городах — Иерусалиме, Цфате, Тверии и Хевроне. В них обитали старики, приехавшие умирать на Святую землю, и благочестивцы, изучавшие Тору и существовавшие на пожертвования, собираемые в диаспоре.

Обращаясь к тем временам, снова и снова поражаешься причудливой взаимосвязи событий, разнесенных по месту своего происхождения на огромные расстояния. И словно в кинофильме с его возможностями монтажа эпизодов появляется перед мысленным взором набережная Екатерининского канала в Петербурге, первый мартовский день 1881 года и шахид того времени — двадцатипятилетний студент белорусского происхождения, бросающий бомбу в царскую карету и погибающий вместе с Александром II. И тут же в монтажный стык — первый еврейский погром в Елисаветграде: весенняя пасхальная ночь, на протяжении которой люмпенская толпа громит дома и лавки, и крестьяне с возами тянутся из окрестных деревень пограбить «жидивское» добро. А потом, как по сигналу, как по взмаху дирижерской палочки день за днем, ночь за

ночью — в Киеве, Конотопе, Херсоне, Николаеве, Одессе, Балте — пух вспоротых перин, звон разбиваемых стекол, гогот толпы, крики убиваемых. По Украине, по Новороссии идет забава молодецкая — еврейский погром. И слух гуляет по стране — это они убили царя-освободителя, а новый царь приказал громить их в отместку за убиенного отца.

Казалось бы, что тут нового? Со времен хмельнитчины и гайдаматчины вошли в еврейскую литургию заупокойные молитвы по мученикам города Немирова, по жертвам Уманской резни, в которых названия украинских городов вплетались в этих религиозных элегиях в библейский иврит. Но реформы Александра II, следствием которых было некоторое ослабление правовых ограничений еврейства, как и вся атмосфера либерализации первого периода его царствования, способствовали проникновению в иудейскую среду идей просвещения, надежд склонной к ассимиляции национальной интеллигенции на сближение с русским народом, с его культурой, на обретение родины-матери, а не злой мачехи.

«Буря с юга», как эфемически называли погромную волну, и последовавшее усиление правового гнета, разбила эти надежды. Все распри между ортодоксами и сторонниками эмансипации, раздиравшие еврейское общество, утихли перед лицом грозной и страшной действительности ввиду осознания непреложного факта открытого и жестокого неприятия еврейства как властью, так и народом.

Историк Дубнов, в это время начинавший свою публицистическую деятельность в еврейской газете «Восход», пишет в своих воспоминаниях о споре, который шел на страницах этой газеты по вопросу «куда»? Куда ехать — в Америку или в Палестину? Интересно, что сто лет спустя, в конце века двадцатого, русские евреи задавались тем же самым вопросом. И выбор был тем же самым — в Америку или в Израиль?

Правда, в конце XX века Израиль пополнился почти миллионом репатриантов — остатками русскоязычного еврейства. В конце же XIX столетия основной поток направлялся в Соединенные Штаты. А Палестина? Вот что писал тогда Дубнов по этому поводу: «Для массовой иммиграции непригодна и Палестина с ее деспотическим турецким режимом и примитивным арабским населением, с ее еврейскими богомольцами, враждебно относящимися к современной школе и ко всякой попытке земледельческой колонизации».

И тем не менее эмиграция в Палестину начиналась, количественно несравнимая с американской, но принципиально иная по своей идейной сущности. Погромы породили у молодой еврейской интеллигенции, испытывавшей очарование русской культуры и идущей по пути ассимиляции, страх потери точки опоры в только что обретенном ею духовном пространстве. Россия глядела на них звериным лицом погромной толпы и жестокой холодной власти. Стать «русским Моисеева закона» не получалось. Надо было возвращаться к своему народу, к его религии, традициям, культуре, искать общий язык с ортодоксами, воссоздавать в себе национальное чувство, национальные надежды, в которых возвращение в Палестину всегда оставалось мессианской мечтой, воспринимаемой этими молодыми людьми в духе современного им романтизма.

Дальше, дальше разматывается лента взаимосвязанных событий, вовлекая в их ход все новые сюжеты и имена. В начале 1882 года на квартире

двадцатилетнего студента харьковского университета Израиля Белкинда собирается тридцать его товарищей, таких же студентов-евреев, и после бурной дискуссии приходят к решению создать союз еврейской молодежи под названием «Билу».

Билу — это аббревиатура слов пророка Исаяи: «О, дом Иакова! Придите и будете ходить во свете Господнем!» Взяв себе такой библейский девиз, выражавший необходимость репатриации в Палестину, билуйцы публикуют «Обращение к еврейскому народу», в котором провозглашаются основные цели союза. Это возвращение на историческую родину; создание там сельскохозяйственных поселений в качестве первого шага на пути возрождения нации и ее многовековой культуры.

Таков был один из многих палестинофильских кружков, которые начали возникать в послепогромной России как пролог к грядущему сионизму. Буквально за считанные месяцы в разных городах империи формируется движение «Ховевей Цион», что означает на иврите «Возлюбленные Сиона». И харьковские билуйцы оказались одной из самых деятельных ветвей этого движения. Они рассылают по городам и местечкам своих пропагандистов, которые апеллируют в первую очередь к молодежи, обращаются в еврейские благотворительные организации и просто к богатым соплеменникам с просьбой финансировать их проект, связываются с известным юдофилом и религиозным мистиком лордом Олифантом, который является давним сторонником возвращения евреев на историческую родину, — словом, развивают бурную деятельность.

Вскоре их союз насчитывает пятьсот человек. Предполагается добиться от турецкого султана фирмана на получение большого участка земли и создать там колонию на эти пятьсот человек — поселок светлого будущего. Но ничего из такого замечательного проекта не получается: повсюду отказы, нет ни земли, ни денег, нет ничего, кроме страстного желания добиться цели любой ценой.

Июньским днем 1882 года в Яффскую гавань, этот древнейший в мире морской порт, по легенде построенный сыном Ноя Яфетом (отсюда и название — Яффа), прибывают 14 молодых русских евреев (еще шесть человек приедут несколько позже), высадившихся здесь после утомительного морского путешествия из Одессы. Что ждет их в земле обетованной? Но прежде чем говорить о том, как сложатся их судьбы, напомним, что с того июньского дня, с этих четырнадцати молодых идеалистов начинается первая алия и, стало быть, новейшая история Израиля. Пожалуй, тех первых билуйцев можно уподобить пилигримам с «Мэйфлауэра», с приплытием которых началась история Америки.

Какова же была идеология этих новоявленных пилигримов? Она являла собой причудливый сплав мессианского национализма и русского народничества. Так же, как русские народники, они искали свое место в мире, свои корни на путях сближения с народом, возврата к земле, к продуктивному крестьянскому труду и нравственному очищению таким трудом, к существованию в рамках сельской общины. Только и народ, и земля у них должны быть другие, чем у россиян. Этот еврейский народ на земле Палестины лишь предстояло создавать, что, конечно же, казалось замыслом совершенно фантастическим. И если бы кто-нибудь сказал тогда, что подобного рода проект через семьдесят лет

осуществится, его могли счесть безумным мечтателем, каковыми, собственно, и считали тогда тех харьковских студентов.

Им надо было обуздывать интеллигентскую гордыню, опрощаться, привыкать к тяжелому физическому труду, вживаться в эту каменистую сухую землю, преобразать пески и болота в плодородные угодья, весь день работать под палящим солнцем и засыпать в мучительном изнеможении. Предстояло учиться запрягать быков и лошадей, работать с мотыгой и плугом, ухаживать за плодовыми деревьями, пахать и сеять, узнавать все то, что крестьянин знает с детства, а им, детям городов и местечек, высоколобым интеллектуалам, размышляющим над библейскими текстами и постулатами Канта и Гегеля, приходилось осваивать сразу и теперь. Но они были люди идеи, и идеи их в значительной степени воспринимались с «русского голоса».

Спустя много лет израильский писатель Амос Оз, прошедший молодость в кибуце, анализируя психологию израильской интеллигенции и движение идей в еврейском обществе, напишет статью «Опаленные Россией». В ней он прослеживает влияние русской славянофильско-народнической традиции на сионистское сознание. «Еще одна идея, — пишет он, — дошедшая до евреев разными путями и усвоенная ими с "русского голоса" — связь между коллективным здоровьем, — самочувствием индивидуума и "простой жизнью". Всякий, кто оторван от земли, нравственно не здоров. Эта идея была весьма популярна в России в XIX веке. Жизнь в деревне идеализировалась русской интеллигенцией и противопоставлялась городской: по воззрениям славянофилов, город — это разложение; он загажен "немецкой" грязью, испорчен "влиянием Запада". Подлинное, исконное, истинное — это деревня. Корни народа — в почве. У евреев такой "почвы" не было. Отсюда в сионизме — особенно, русском, — так силен мотив "возвращения на землю" в самом прямом смысле слова. Кстати, сионисты Запада об этом возвращении почти не говорили. Для сионизма же российского — вернее, протосионизма (под протосионизмом надо понимать палестинофильское движение, к которому и принадлежали билуйцы. — *М.Р.-З.*) — все другие варианты были неприемлемы: все, что не связано с землей — болезнь и загнивание. Еврейскому народу необходимо вернуться на землю, вернуться к земле. А такое возвращение возможно лишь на СВОЕЙ земле — в Эрец-Израэль».

Сразу же после приезда группа билуйцев, насчитывавшая в общей сложности двадцать человек, поступила учиться в сельскохозяйственную школу, созданную за двенадцать лет перед тем международной еврейской организацией «Альянс Израэлит» под многообещающим названием «Микве Израэль».

Микве — это в еврейской традиции водный резервуар для омовения с целью очищения от ритуальной нечистоты, своего рода ритуальный бассейн. Так что название школы несло в себе идею очищения народа Израиля с помощью сельскохозяйственного труда. В этой микве харьковские ребята и получали свою первую сельскую закалку, трудясь, как наемные рабочие, и живя коммуной. То была первая коммуна, первая квуца — группа, отдаленный предшественник кибуцианского движения.

Но до кибуцев было далеко, а пока билуйцы батрачили в «Микве Израэль», а затем в другом поселении — Ришон-ле-Цион (тоже название многозначительное — «Первый в Сионе»), только что созданном состоятельными палестинофилами из России. Его основатель Залман Левонтин считал, что еврейская

колонизация Палестины должна идти людьми, обладающими собственными средствами, нечего, мол, рассчитывать на помощь благотворителей. Собрал группу таких людей, он приобрел на коллективные деньги 330 гектаров земли неподалеку от Яффы и поселился там со товарищи.

Дальнейшая судьба этого поселения — сюжет особый. Заметим только, что собранные деньги скоро кончились, пришлось обращаться за помощью к Ротшильду, идти под начало его администрации... Впрочем, о роли Ротшильда в поселенческом движении разговор будет ниже, а пока скажем, что поработав в Ришон-ле-Цион опять же в положении наемных рабочих, билуйцы не выдержали тягот и бесперспективности их положения, кое-кто уехал в Россию, а к оставшимся пришло избавление в лице Иехиэля Пинеса, публициста и общественного деятеля, создателя комитета «Ховевай Цион» в Яффе. Это он на средства из фондов этого движения приобрел землю для билуйцев неподалеку от Яффы, где они и создали, наконец, свою колонию, названную Гедера, по имени древнего иудейского города, некогда расположенного в этих местах. Здесь они вместе с присоединившимися к ним впоследствии другими репатриантами пахали землю под зерновые, развели виноградники. Здесь же теперь небольшой живописный израильский город, который охотно посещают туристы.

Все рассказанное здесь о билуйцах, об их первых шагах на земле Израиля — лишь фабула, внешнее отображение их жизни. Сюжет был куда сложнее. Сойдя с корабля в тот июньский день 1882 года, они со всеми своими благими намерениями и идеалами попали в гущу событий, раздиравших ишув — еврейское население Палестины.

Для понимания этих событий придется отойти в нашем повествовании на несколько десятилетий назад, когда с одной стороны, среди молодой части ишува начало возникать стремление выйти из-под влияния идеологии халукки — финансовой поддержки диаспоры, дающей возможность религиозных занятий, а с другой — в европейском еврействе стал пробуждаться интерес к Святой земле. Проявлением этого интереса стали визиты знаменитого богача и филантропа, лидера английских евреев сэра Мозеса Монтефиоре, подкрепляемые щедрыми даяниями и инициативами, направленными на создание условий для продуктивной деятельности в общине.

Сэр Мозес возвел первый жилой квартал в Иерусалиме вне стен старого города, оборудовал ткацкую фабрику и ветряную мельницу, арендовал земли для поселений под Яффой, приобрел цитрусовую плантацию для обучения евреев сельскохозяйственным работам. Одновременно уже упоминаемый выше парижский «Альянс Израэлит» основал сельскохозяйственную школу «Микве Исраэль». А в 1878 году группа религиозных евреев из Иерусалима основала на равнине Шарона, неподалеку от Яффы первое сельскохозяйственное поселение в новейшей истории Израиля, названное Петах-Тиква, что означает Врата надежды.

В судьбе этого поселения как океан в капле воды отразились все будущие драмы и проблемы Израиля. Основателями поселка были еврейские интеллигенты, корнями вросшие в землю Палестины. Уже их деды переселились сюда, чтобы доживать здесь жизнь в молитвах и талмудических прениях. Внуки были также глубоко религиозны, но вместе с тем одержимы идеей сельскохозяйственного возрождения Святой земли. И дед, и отец лидера группы раввина Иоэля

Саломона являлись руководителями ортодоксальной общины Иерусалима. А сам Иоэль, обладая духовным званием, стал издателем и редактором первого в стране ивритского ежемесячника и одним из основателей компании, поставившей себе целью создание еврейских сельскохозяйственных поселений. Эта цель вызывала яростные нападки иерусалимского раввина, видевшего в хозяйственной активности нового поколения угрозу благотворительной помощи диаспоры. Но Саломона это не останавливало. Вместе с двумя своими единомышленниками Иегудой Раабом и Иегошуа Штампфером он купил участок земли под Яффой и в сообществе с другими энтузиастами основал Петах-Тикву.

Тридцатилетний Рааб был самый молодой среди основателей поселка, но вместе с тем у него одного имелся хоть какой-то сельскохозяйственный опыт, приобретенный в юности в Словакии, где он жил на селе, занимаясь овцеводством и виноградарством. И именно ему предоставили право торжественно провести первую борозду на пахотном поле нового поселения, что он и описал впоследствии в своей книге «Первая борозда».

Но торжества торжествами, а вскоре на смену им пришла грустная повседневность. Возник конфликт с соседней арабской деревней из-за пользования колодезем. Пришлось создавать охранный отряд, который возглавил молодой колонист из Новороссии Авраам Шапира. Этот удалец, унаследовавший от еврейских крестьян Украины тяжелую мужественную статью, умел не только воевать, но и находить общий язык с арабами, наводить мосты для примирения. Он прожил долгую, почти столетнюю жизнь, был почетным президентом ассоциации еврейских охранников, а его первый в стране отряд самообороны явился зародышем будущей Хаганы, которая превратилась потом в израильскую армию.

Впрочем, до Хаганы было еще очень далеко. Пока приходилось охранять горстку измученных малярией, полуголодных поселенцев, пытавшихся выжить из этой трудной земли хоть что-нибудь себе на пропитание. К приезду билуйцев в Петах-Тикве, которую позднее за ее первородство назовут «матерью поселений», насчитывалось лишь десять домов и 66 жителей. Билуйцы обосновались неподалеку, в Гедере, но уклад их жизни разительно отличался от строго ортодоксального существования первопоселенцев. В Гедере, как утверждали иерусалимские раввины, трудно было найти даже пару филактерий — кожаных коробочек с отрывками из священных текстов, которые религиозный еврей надевает на лоб и на руку во время молитвы. А ведь иерусалимские ортодоксы предостерегали, что ни к чему хорошему создание сельскохозяйственных колоний не приведет. И вот, пожалуйста, эти молодые «русские анархисты» пляшут вместе со своими девками, никто не соблюдает кашрута, никто не чтит день субботний, да разве это евреи?

Знать бы тем старым благочестивцам, как далеко проникнет «зараза просвещения» на Святой земле, как распространятся здесь социалистические идеи, и к каким политическим конфликтам, к какому расколу в обществе приведет соседство двух укладов — религиозного и социалистического...

Аграрная колонизация Палестины уже на первом своем этапе заставила раввина столкнуться с древней и, казалось бы, забытой проблемой субботнего года. Закон Торы, записанный в книге Исход, требует от евреев оставлять землю под паром, не собирать виноград и плоды оливковых деревьев, чтобы «питались убогие из твоего народа, а остатками после них питались звери полевые». В

период Второго храма этот закон строго соблюдался, затем по мере исчезновения земледелия в Палестине он стал чистой теорией, но с началом аграрной колонизации снова приобрел практическое значение. Есть, правда, способ обхода древней заповеди — формально на один год продать поле нееврею и тогда обработка его возможна. Допустимо ли это? Ашкеназская община Иерусалима сочла, что — нет. Но колонисты не могли позволить себе один год из семи оставаться без урожая. Дискуссия шла весь конец XIX и начало XX веков, пока главный раввин Яффы Авраам Кук не разрешил формальную продажу.

В конце концов, эти первопроходцы так и погрязли бы в нищете, в малярии, которую извергали окружающие их болота, во вражде турецких чиновников и стычках с арабскими феллахами, так и растворились бы в трясине бед и злосчастия, если бы не помощь благотворителей, не пресловутое «еврейское золото», о котором трубили антисемиты всех стран и прежде всего Франции, откуда оно больше всего и шло.

У основателя династии Ротшильдов — Мейера Аншеля, этого «короля кредиторов и кредитора королей», было пять сыновей, которые создали банковские дома в пяти европейских странах. У главы французской династии Джеймса в свою очередь имелись три сына, младший из них барон Эдмон в отличие от своих братьев не занимался фамильными банковскими делами, что не помешало ему в молодом возрасте унаследовать часть огромного состояния отца.

Это был такой своего рода плейбой — путешественник, альпинист, яхтсмен, знаток искусства. От него меньше всего ожидался благотворительный интерес к еврейским делам, который имелся у других членов семьи. И вот нате — долгие беседы с парижским раввином Цадоком Каном, с одним из основателей «Альянс Израэлит» Ицхаком Неттером, переписка с Дюма-сыном, герой пьесы которого призывает евреев вернуться на историческую родину и возродить там свое государство. Среди гостей его парижского особняка то молодой поселенец из Ришон-ле-Циона Израиль Файнберг, повествующий об энтузиазме и бедах билуйцев, то лидер религиозного направления в российском палестинфильстве раввин Шмуэль Могилевер. Они рассказывают ему о погромной волне в России, о сотнях тысяч беженцев из Восточной Европы, взывая к его сочувствию, а точнее к его кошельку, который молодой барон, в конце концов, соглашается открыть. Он не сторонник массовой эмиграции в Эрец-Исраэль. Это может вызвать полный запрет ее турецкими властями или привести к голодной смерти переселенцев, от которой их не спасет никакая филантропия. Нет-нет — потихоньку, помаленьку, методом постепенной инфильтрации в страну небольшими группами при подготовке хотя бы минимальных условий для труда и быта. Вот какой он был трезвый постепеновец, этот знаменитый барон, которого сорок лет спустя назовут «отцом ишува». Но при всей своей трезвости он вложил к концу XIX века в колонизацию Палестины 40 миллионов франков, огромную по тем временам сумму, создав 19 поселений. На его деньги покупалась земля, осушались болота, разбивались виноградники.

В общем-то он был невысокого мнения о восточноевропейских евреях, которые составляли основной контингент поселенцев. Эти люди, конечно, не умеют хозяйствовать, они ленивы и нелюбопытны, так надо научить их выполнять приказы, соблюдать дисциплину — и трудовую, и религиозную. Им

надо учиться терпеливо и напряженно работать, а не заниматься демагогией и выдвигать политические лозунги.

Откуда у этого человека, рожденного в золотой клетке и проводившего жизнь в праздности и причудливых занятиях, такая жесткость и презрение к своим далеким единоплеменникам — сказать трудно. Он создал систему управления основанными им колониями, заставляющую вспомнить отцов-иезуитов, которые в XVII веке, посадив в Парагвае бродячих индейцев на землю, воспитывали их в поселениях с помощью жесткого отеческого попечения.

«Отец ишува» установил в палестинских колониях «режим чиновников» — присланных из Франции администраторов, специалистов-аграриев, учителей, которые, конечно же, делали очень много — обучали поселенцев, снабжали их сельхозинвентарем, семенами, осушали болота и прокладывали дороги, заботились о насущных потребностях новоприбывших. Но при этом они лишали своих подопечных всякой инициативы и пытались жестко регламентировать их повседневную жизнь, требуя скромности в быту, обязательного соблюдения религиозных традиций, общения только на иврите.

Их воспитывали в духе предписанных из Парижа идеалов, также как иезуиты в XVII веке воспитывали своих краснокожих питомцев в духе христианского учения, и как райкомы, пытались прививать русскому крестьянству советскую атеистическую идеологию в веке двадцатом.

Легко себе представить реакцию свободолюбивых детей российского местечка, впитавших в себя идеи Просвещения, на такую регламентацию. Одним из первых бунтовщиков стал лидер билуйцев Израиль Белкинд, за что и был изгнан из колонии Ришон-ле-Цион. Массовые протесты против действий администрации Ротшильда происходили едва ли не каждый год. В результате зачинщиков вместе с семьями изгоняли из поселений, лишая средств к существованию.

Наверное, это раздражало «известного покровителя» (так, избегая рекламы своей деятельности, требовал называть себя Ротшильд). Он, внимая в свое время страстным пророческим речам раввина Могилевера, так распалывшим его воображение, не думал, что колонизация Святой земли будет идти столь трудно и докучливо. К тому же и семья была недовольна столь активной вовлеченностью Эдмона в заведомо безнадежное, по их мнению, предприятие, всей этой возней с российскими оборванцами, далекими от западной культуры, западного образа жизни. Тем не менее, Ротшильд, отменяя всякие жалобы, поддерживал свою администрацию, утверждая, что не видит оснований ей не доверять.

Со временем конфликт, тянувшийся двадцать лет, все-таки утомил его, и он решил передать управление поселениями «Еврейскому колонизационному обществу», благотворительной организации, созданной другим «известным покровителем» бароном де Гиршем (видимо, баронский титул становился обязательным приложением к капиталу богатых евреев-благотворителей, в России бароном был Гораций Гинцбург) для колонизации Аргентины обитателями гетто Восточной Европы.

Гирш в отличие от Эдмона Ротшильда был *self made man*. Он сам составил свое состояние на строительстве железных дорог в Турции, превратив три миллиона франков, полученных в наследство от отца, придворного банкира баварского короля, в полтора миллиарда франков — сумму невероятную по тем временам. Но и размах его благотворительности был невероятен. Начав с

миллионного пожертвования на школы «Альянс Израэлит», он, потеряв в 1887 году единственного сына, отдал на добрые дела его долю в своем капитале, но и это, видно, не утолило его скорбь, он словно бы задался целью раздать свое состояние. Его агенты изучали положение дел в России, Румынии, Галиции, выясняли возможности приема изгнанников в Канаде, Соединенных Штатах, остановившись, в конце концов, на Аргентине, где были куплены огромные территории. Его фонды помогали иммигрантам на их пути в Новый свет, его школы обучали их продуктивным профессиям. Идеи Герцля Гирша не прельстили, тем не менее, после его смерти в 1896 году руководство «Еврейского колониционного общества» решило содействовать поселенческой деятельности в Палестине, и в это же время ЕКО было передано управление колониями, созданными на Святой земле Ротшильдом.

«Известный покровитель» стал президентом созданного при ЕКО «Палестинского совета», вручив ему «на зубок» 15 миллионов франков. При этом он как будто бы сделал выводы из конфликтов, будораживших колонии долгие годы. Говоря современным языком, там была проведена экономическая реформа — на смену «режиму чиновников», основой которого было административное регулирование жизни поселений, пришел экономический контроль. Колонисты получали кредиты, но деньги надо было возвращать, никто им не диктовал, как работать, они должны были сами отвечать за свою судьбу и жить на началах самоуправления.

Ротшильд чувствовал себя отцом, который выпускал детей в самостоятельную жизнь. Но дети не были готовы к ней. Если раньше их тяготила чрезмерная опека, то теперь они, уже привыкнув полагаться на сильную руку покровителя, боялись самостоятельности. И тем не менее все притиралось. Бросаясь из одной крайности в другую, система хозяйствования давала свои плоды.

В первом десятилетии XX века «мать поселений» Петах-Тиква насчитывала около двух тысяч жителей. Они владели двумя с половиной тысячами гектаров земли, на которых произрастали зерновые культуры, маслины, виноград, апельсины, миндаль. В поселке имелся кооператив владельцев апельсиновых садов, кредитное товарищество, две школы, детский сад, библиотека. А Ришон-ле-Цион стал центром виноделия Палестины. Разбитые по совету Ротшильда виноградники позволили построить винный завод, обширные погреба, и также как и в Петах-Тикве, создать полную инфраструктуру жизни поселенцев — народный дом, библиотеку, почту, аптеку, синагогу.

Сейчас все города — на сто-двести тысяч населения, которые за сто лет прошли немалый и бурный исторический путь, овеянный легендами. Так за фразой, стоящей в гербе Ришон-ле-Циона — «Нашли воду», стоит история первого колодца, выкопанного в поселении и жизненно важного для его развития. Ссуду на эти цели выделил Ротшильд, по его приказу был доставлен из Парижа бур — все это были серьезные памятные события в существовании поселенцев. Бурить пришлось на 48 метров, и восклицание: «Нашли воду» (сродни крику колумбового матроса «Земля!») так и вошло в герб города.

Израильский дневник: «Ган Шмуэль»

Из всех моих израильских путешествий это было самым странным, ибо я, старый русский еврей, представлял в нем Германию. Нас было девять человек — журналистов, рекламных агентов, представителей туристических фирм — приглашенных «на халяву, сэр» министерством туризма Израиля для демонстрации красот страны, ее отелей, гостевых маршрутов, еврейских и христианских святых мест с тем чтобы поддержать туристический бизнес. Я представлял свою выходящую в Берлине русскоязычную газету. Рядом со мной в автобусе сидел католический журналист из Баварии, через проход — работник турбюро из Ганновера и так далее — люди из разных городов и земель ФРГ.

Мы колесили по Святой земле, с юга на север — от Мертвого моря до гор галилейских. И весь день гудела в салоне разноязыкая речь — русская, немецкая, иврит, — отражая культурные слои и прошлое нашей разномастной компании. А за окном рыжели палимые нещадным солнцем скалы, обрывы песчаника, наплывы глины — и все более безжизненным, первобытным становился пейзаж, оживляемый разве что палатками бедуинов и их козами, которые бог весть чем питаются в этом безводье. Вверх — вниз, вверх — вниз. Из аэропорта в Иерусалим — это вверх («алия» означает «восхождение», и, следовательно, когда едешь в Иудейские горы — совершаешь алию), а потом снова вниз, в Иудейскую пустыню, к Мертвому морю.

Колеса по дорогам Галилеи, мы заехали в молодежную деревню — центр, где учатся и живут на полном пансионе триста детей в возрасте от 13 до 18 лет. Как они попадают сюда? Одни приходят из неблагополучных семей, другие с помощью сельскохозяйственной программы готовятся к поступлению в кибуц, третьи по программе молодежной алии приезжают сюда из постсоветского пространства.

Все в этой деревне было как и в других такого рода добропорядочных учреждениях — школьные классы, спальни, клуб, дискотека. Столовая, в которой мы не без приятного удивления не почувствовали обычного запаха кухни — пахло чистотой и свежестью, на столах стояли фрукты и обильная еда.

Меня окружили ребята из России — Ксюша из Ульяновска, Никита — из Москвы, Максим — из Омска... Одни только начинали свою жизнь здесь, другие были на выходе, кому-то предстояла армия. В этой толпе было немало нееврейских лиц. Мне объяснили, что алия подбирает из постсоветского пространства «половинок» и «четвертинок» — тех, у кого только отец или дедушка — еврей. Страна охотно принимает такую молодежь, «усваивает» ее, превращает в израильтян с нормальным национальным самосознанием.

— Да, — не без горечи вздохнул баварский журналист Вернер Ройтер, — все страны воспитывают у своей молодежи национальное самосознание, только не Германия.

Таково его — немца средних лет — ощущение. Но мы не углублялись в эту тему, она далеко завела бы нас.

Я предложил, чтобы мы, следуя по нашему маршруту, заехали в какой-нибудь кибуц. Мои коллеги не возражали, и мы отправились в расположенный

под Хадерой поселок Ган Шмуэль, откуда был родом сопровождавший нас берлинский представитель фонда «Керен ха-Иесод — объединенный израильский призыв» Уди Лехави.

С Уди — долговязым сухощавым господином, по внешности и манерам напоминающим типичного немецкого интеллектуала, я виделся в Берлине и уж никак не отождествлял его с кибуцниками, которые представлялись мне крепкими тяжеловесными мужиками с обветренными лицами... И вот поди ж ты, оказывается, он родом из кибуца и вскормлен здесь, в долине Шарона (вспоминается библейское: «Я роза Сарона, лилия долин»), выкупленной некогда у местных феодалов кременчугским евреем Иешуа Ханкиным. И пока мы едем мимо утопающей в зелени Хадеры — типичного израильского города на сотню тысяч населения — я припоминаю все, что знаю об Иешуа Ханкине, этом рыцаре «геулат ха-карка» — избавления земли.

«Геулат ха-карка» — один из лозунгов протосионистского движения «Ховевей Цион». Вызволить Святую землю, эту обитель божественного присутствия, из чужих рук, поселить на ней евреев — так легко отзывалась эта мечта в душах чахлах портных и одиноких шинкарей, отдававших для ее осуществления гроши, добытые ремеслом и мелкой торговлей. Мечтателями были и первые уполномоченные «Ховевей Цион», пытавшиеся скупать земли прежде всего известные по библейским сказаниям. Но они зачастую оказывались в горах, эти разрозненные участки, носившие громкие библейские названия. Надо было идти в долины, в прибрежную равнину, где и цены ниже, и территории больше.

Иешуа Ханкин и его отец Исраэль-Лейб в восьмидесятые годы позапрошлого века были едва ли не первыми в ишуве профессиональными земледельцами, имевшими крестьянский опыт, приобретенный в колонии на юге Украины. Сын же еще гимназистом приобщился к революционному народничеству, что не помешало ему вместе с отцом в 1882 году переехать в Палестину, где они крестьянствовали на купленном у арабов участке земли сначала в Ришон-ле-Ционе, а потом в Гедере вместе с билуйцами.

Иешуа был, судя по всему, человек разносторонне способный и контактный, так как вдобавок к своему земледельческому опыту он освоил арабский язык и местные обычаи, сумел установить дружеские отношения с турецкими чиновниками, что позволило ему стать ключевой фигурой в «геулат ха-карка». Размах его деятельности поражает воображение. На приобретенных им землях расположены такие города как Реховот, Хадера. Он вел многолетнюю борьбу за Изреельскую долину, большей частью которой владела христианская семья Сурсук, приобрел побережье Хайфского залива, выкупал земли в нижней Галилее. Всего на его счету примерно 600 тысяч дунамов (напомним, дунам — десятая часть гектара), купленных для национального и колониального фондов, групп переселенцев и отдельных инвесторов.

Во время Первой мировой войны его деятельность была признана противоречащей интересам Османской империи, и его выслали из Палестины. Но после войны он вернулся и действовал уже во времена британского мандата с удвоенной энергией. В 1926 году он разработал план приобретения в течение десяти лет четырех миллионов дунамов и создания на них поселений для 200 тысяч евреев. Он прожил долгую и бурную жизнь и умер почти восьмидесяти лет отроду, не дожив несколько лет до создания еврейского государства, в котором его именем названы улицы городов.

30 тысяч дунамов, где расположена нынешняя Хадера, он покупал в 1891 году. Долго торговался с владельцем этой болотистой пустующей земли Салимом Хури, но в конце концов сговорились. И вскоре здесь поселилась группа молодых евреев из Прибалтики, основав поселок, название которого произошло от арабского слова «аль-хадра», что означает «зелень». То была зелень болот, зелень малярии, от которой в первое десятилетие вымерла половина поселенцев.

И тут в наше повествование вступает еще одна фигура раннего протосионистского периода существования ишува — врач Гилель Иоффе, жизненный путь которого пролегал через Бердянск, где он окончил русскую гимназию, через Женеvu, где было получено медицинское образование и, наконец, через Хайфу, где он имел медицинскую практику. Иоффе стал первым маляриологом Палестины. Однако, будучи не только врачом, но и палестинофилом, он принимал близко к сердцу беды первых колонистов. Это он посоветовал использовать как средство от заболачивания почвы эвкалипт — дерево-великан, быстро растущее и впитывающее излишки почвенной влаги. Оно родом из Австралии, это там пронизанные солнцем, полные аромата вечнозеленые эвкалиптовые леса. Но где Австралия, а где Палестина... Тем не менее с конца XIX века саженцы эвкалипта начинают поступать в Хадеру и Петах-Тикву, а затем распространяться по стране, так что со временем арабы называли его еврейским деревом.

Но, конечно, одного этого еврейского дерева было мало. На средства Ротшильда в Хадере провели дренажные работы. На осушенной земле сажали миндаль, виноград, оливы, давили масло, создавали кооператив. Статус города поселению присвоили в середине прошлого века. Население его сейчас представляет собой пеструю этнокультурную смесь — сабры и арабы, ашкеназы и курдские, грузинские, азербайджанские евреи. Последние выступили с прелестной инициативой — назвать городской парк именем Гейдара Алиева. Мнится ли этому члену советского политбюро в его посмертном сне, что в городе, где один из районов назван Гиват Олья в честь жены Иешуа Ханкина — местной акушерки и общественного деятеля, есть парк, носящий его имя?

Про расположенный поблизости от Хадеры кибуц «Ган Шмуэль», куда мы направлялись, наша экскурсовод сказала, что название это переводится как «сад Шмуэля». Был де некогда некий религиозный еврей по имени Шмуэль, пожертвовавший в начале прошлого века кибуцу свою цитрусовую плантацию, в результате чего в честь него и назвали поселение. Я не стал опровергать нашу всезнающую гидессу, но подумал о том, как в тумане времени рождаются легенды, смягчая и скрывая очертания событий.

Религиозный еврей... Да это ж она имеет в виду Шмуэля Могилевера, знаменитого раввина и одного из основателей движения «Ховевей Цион», в честь семидесятилетия которого здесь была разбита цитрусовая плантация.

Могилевер — это фигура особая. Облик пророка — высохшее лицо в окладе бороды, углубленный в себя, полный печали взгляд, ораторский дар, сотрясавший сердца. Как он построил свое выступление на первом съезде «Ховевей Цион» в Катовицах на образе «сухих костей» из видения пророка Иезекииля, где эти высохшие кости соединяются и умершие оживают... Так ему, человеку, воспитанному на библейских ассоциациях, виделось возрождение еврейской жизни в Святой земле. И как магнетически воздействовал рабби Шмуэль на

Эдмона Ротшильда в Париже, прося, да нет, скорее требуя помощи палестинским поселенцам. Он был одним из основателей религиозного сионизма — этого синтеза Торы и герцлевского «еврейского государства». И если вы сейчас видите на голове израильянина вязаную кипу — знак принадлежности к религиозному сионизму, вспомните о рабби Шмуэле.

Не знаю, кто и как разбивал в 1894 году тот юбилейный цитрусовый сад, знаю только, что в 1921-м он оказался в собственности только что созданного кибуца, положив начало его специализации и будущему богатству.

Первыми обитателями «сада Шмуэля» стали два десятка молодых людей из халуцианского движения Рабочий батальон. Видимо, они неплохо овладели культурой выращивания цитрусовых, ибо это стало их основным занятием, которое разделяли все новые кибуцники.

В тридцатые годы коллектив пополнили представители молодежного движения Хашомер Хацаир, а после войны — уцелевшие после Холокоста польские евреи. Родители Лехави как раз и относились к этому послевоенному пополнению кибуца. Сейчас они лежат на местном кладбище, и Уди навещает время от времени их могилу, приходит на свою малую родину, целуется со стариками, перекидывается словечком со сверстниками. На сей раз мы вместе с ним ходили по улицам поселка, осматривая школу, детский сад, столовую, культурный центр и главный источник богатства — консервный завод, радикально изменивший жизнь кибуца и превративший его в современное агропромышленное предприятие.

«Ган Шмуэль» был одним из первых кибуцев, вступивших в промышленную эру. У большинства коммун это произошло в конце пятидесятых годов, а здесь консервный завод построили в начале сороковых, когда мировая война закрыла европейские рынки сбыта палестинских апельсинов, бывших до начала пятидесятых годов практически единственной статьей местного экспорта.

Легенда гласит, что цитрусовые завезли в страны Средиземноморья еще воины Александра Македонского во время похода в Индию. Во всяком случае, родина этрогового дерева, чей цитрусовый плод используется в ритуале праздника Суккот, — Индия. Потом крестоносцы лакомились лимонами, это уже известно достоверно. Культура апельсина, знаменитого яффского апельсина, проникла в Эрец-Исраэль из Португалии в начале XVIII века, а в начале XIX века здесь появились мандарины. В конце того же столетия на плантациях Петах-Тиквы были высажены первые деревья грейпфрута. К тому времени эти культуры стали, говоря советским языком, «политическими», так как одной из первых акций зарождающегося сионистского рабочего движения стала борьба за еврейский труд на цитрусовых плантациях, владельцы которых предпочитали нанимать более дешевых арабских рабочих.

В «Ган Шмуэле» этой проблемы не было. Свою стогектарную цитрусовую плантацию кибуцники обрабатывали сами. Но вот когда построили завод по производству соков и цитрусовых концентратов, пришлось нанимать работников со стороны. Нужны были специалисты-консервщики, да и рабочих не хватало. Сейчас из 220 занятых здесь работников только 105 кибуцники. Но это был лишь первый шаг по пути капиталистического развития хозяйства. Завод наращивал производство — выпускал джемы, поре-полуфабрикаты, кооперировался с другим кибуцем, становился акционерной компанией, создавал дочерние фирмы в Испании и Южной Африке, завоевывал все новые рынки.

В середине первого десятилетия нынешнего века это было крупное современное предприятие, перерабатывающее около ста тысяч тонн цитрусовых и 70 тысяч тонн томатов и поставляющее свою продукцию в сорок стран мира. Доходы от сельского хозяйства составляют теперь лишь десять процентов от прибыли кибуца размером в 250 миллионов шекелей. Немалую прибыль коллективу приносит крупный торговый центр. А из чисто аграрных отраслей этого многопрофильного предприятия Уди назвал кроме цитрусового сада еще разведение прудовой рыбы и молочную ферму на триста коров. Вот коровы-то меня интересовали больше всего.

Работая в советские времена в аграрной газете и объездив сотни колхозов и совхозов, я, конечно, слышал об успехах израильского молочного скотоводства, о котором в России ходили легенды. И музыка звучит в израильских коровниках для подъема настроения животных, и для каждого имеется отдельное меню, а под кожу внедряется электронный чип с передающим устройством. Такого рода байки порождались поражающей воображение цифрой: средний годовой удой коровы в Израиле превышает 11 тысяч килограммов. И это в сухом жарком климате при практическом отсутствии пастбищ. Для сравнения скажу, что российская корова в куда более пригодных для животноводства климатических условиях дает 2,5-3 тысячи килограммов молока в год.

Уже первые кибуцники, эти осваивавшие азы сельского хозяйства горожане, в начале тридцатых годов получали по 3700 литров в год. В то же самое время арабская корова давала 500 литров. В 2002 году Израиль держал мировое первенство по надоям — 11 тысяч литров. На втором месте были США — 10 тысяч, на третьем — Голландия — 8,3 тысячи.

В кибуце «Ган Шмуэль» корова дает 12 тысяч килограммов молока. Я с уважением и интересом смотрел на этих огромных черно-пестрых животных, лениво и важно лежавших в открытом коровнике. Скоро им придется подняться и отправиться в доильный зал, похожий скорее на больничную операционную своим белым кафелем, чистотой и различными трубами, колбами и проводами. Дояр вымоет им вымя струей воды, протрет тряпкой с йодом и наденет доильный стакан.

Конечно, никакой музыки и чипов, вживленных под кожу, здесь нет. Но браслет на ноге, высокотехнологичный ошейник и приборчик у челюсти — так называемый «жвачкомер» — круглосуточно сообщает животноводам о физическом и психическом состоянии коровы. Полные данные о ней есть и в центральном компьютере ассоциации животноводов Израиля.

Когда я на следующее утро завтракал свежайшим творогом, то вспомнил, что Израиль выпускает более пятисот видов молочных изделий, конечно же, удовлетворяя свои потребности в них. Но по объему производства животноводство работает на треть своих возможностей. Можно было бы поставлять его продукты на экспорт, но по ценам Израиль не выдерживает конкуренции на мировом рынке.

Что это я так разговорился о коровах? Пора переходить к людям. Но ведь это разговор и о людях, о народе, который на протяжении десятков поколений был оторван от земли, от сельского хозяйства, и, получив возможность вести это хозяйство, ставит мировые рекорды.

Уроки рынка

В декабре 1953 года в кибуце «Сде Бокер», расположенном в центре пустыни Негев, появился новый работник — приземистый коренастый старик с венцом белоснежных волос вокруг крупной лысеющей головы. Как и все другие члены кибуца, он каждый вечер останавливался у доски объявлений у входа в столовую, чтобы узнать, какая работа ему поручена на следующий день. Сначала он развозил навоз и вносил его в лунки деревьев, а потом, когда выяснилось, что это ему тяжело, пас овец и присматривал за маленькой метеостанцией, с помощью которой определяли погоду на завтра. Появлению этого человека, которому суждено было прославить кибуц, предшествовали следующие события.

За полгода перед тем — весной 1953 года — в этом только что созданном поселении, представлявшем собой несколько бараков и сотню гектаров осваиваемой земли, появилась небольшая кавалькада машин. Премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, возвращаясь из Эйлата, остановился здесь ненадолго. Он расспрашивал молодых поселенцев об их планах, их прошлом, узнавая, что они служили здесь в армии во время войны за независимость, и потом решили остаться и создать кибуц в этом жарком пустынном краю.

Кавалькада отправилась дальше по дороге на Тель-Авив, и в этом мимолетном визите не было бы ничего необычного — возглавляемое Бен-Гурионом социалистическое правительство уделяло большое внимание кибуцному движению, — если бы не тогдашние обстоятельства жизни премьер-министра. К этому времени 67-летний Бен-Гурион начал испытывать усталость после многих лет невероятного напряжения, связанного с руководством сначала ишувом, а потом созданным им государством. Он был бессменным лидером нации, власть которого, несмотря на всевозможные политические баталии, сопровождавшие наиболее важные его решения, считалась неоспоримой. Но он понимал необходимость преемственности этой власти, передачи ее более молодым лидерам из числа воспитанного им окружения во время пока он еще жив и может как-то влиять на ситуацию.

Мысль о добровольном уходе в отставку постепенно вызревала у него, но хотелось вместе с тем и своим уходом как-то послужить сионистской идее, осуществлению которой он отдал жизнь. Поселение в кибуце да еще расположенном в сердце Негева, этой огромной пустынной территории, освоение которой он считал главной задачей развивающегося государства, должно было стать знаком ухода в будущее, поданным стране и миру, достойным завершением жизни, отданной служению халуцианской идее.

И вот 14 декабря 1953 года охранники и секретари грузят в машины чемоданы и узлы, книги и папки с документами, отправляя своего теперь уже бывшего шефа с женой на новое место жительства, куда его сопровождает армия друзей и журналистов. Так кибуц «Сде Бокер» приобретает пастуха, а страна теряет своего многолетнего лидера.

Конечно, в этом были элементы театра — «отец нации», который добровольно уйдя от власти, удалившись от дел, подобно библейским предкам пасет овец в пустыне, как завещал один из самых обаятельных идеологов халуцианского движения Аарон Давид Гордон, этот создатель религии земледельческого труда.

Бен-Гурион внешне доволен, он поздоровел, загорел, ведет себя подчеркнуто скромно, просит окружающих независимо от их возраста называть себя Давид. Но по вечерам к скромному кибуцнику Давиду потоком устремляются государственные деятели, молодежные делегации, журналисты — всем нужны его советы, его точка зрения на те или иные события, те или иные реалии израильской жизни. Да и недолго длится его уединение — чуть более года. Уже в начале 1955 года он возвращается во власть с тем, чтобы еще через восемь лет уйти от нее окончательно и завершить свои дни в «Сде Бокере», в доме, который после его смерти стал музеем.

Эта буколическая история — одно из многих свидетельств неразрывной связи израильского истеблишмента с кибуцным движением. Все первые премьер-министры, почти все известные военачальники были родом из кибуца. Бен-Гурион, Леви Эшкол, Голда Меир в разные годы жизни прошли эту школу, формировавшую их мировоззрение. Дочь Голды Меир жила в кибуце Ревивим, расположенном сравнительно недалеко от Сде Бокер, и Голда, будучи министром иностранных дел, а потом и премьером, как только у нее высвобождался день, устремлялась в Негев понынчить внуков. Моше Даян и Игаль Аллон — эти генералы-победители первых войн, а потом и Эхуд Барак, лидер более поздних времен — уроженцы кибуцев. И естественно, что после создания государства все, что нужно движению, давалось безотказно, но вместе с тем и на началах взаимной помощи. В войнах, в освоении новых территорий, в приеме иммигрантов — кибуцы были надежной опорой молодого государства. И оно, в свою очередь, платило им всесторонней поддержкой, предоставляя ссуды, воду, землю, благо, государственный земельный фонд резко вырос за счет территорий, которые были под контролем британской администрации, и угодий бежавших арабов. Теперь уже создаваемым коммунам не надо было осушать болота и очищать от камней террасы, да и старые коллективы округляли свое землепользование за счет новых пригодных для земледелия участков.

Все послевоенные кибуцы создавались по одной и той же схеме. Формирующийся чаще всего из новоприбывших коллектив предоставлял в «Еврейское агентство» хозяйственную программу, в которой оговаривались объемы аграрного производства — сколько зерновых будет выращиваться, сколько садов разведено, сколько скота и птицы содержаться. Под эти объемы агентство выделяло долгосрочные, низкопроцентные ссуды, определяло территорию и нормы потребления воды. Строй жилье и производственные помещения, покупай технику и — вперед по пути к осуществлению коммунистического принципа: от каждого по возможностям, каждому по потребностям.

Многие кибуцы в первые годы, а то и десятилетия своего существования прибыли от хозяйствования не получали, что зарабатывали, то и проедали, но, в конце концов, особенно по мере приспособления к требованиям рынка, освоения не только аграрного, но и промышленного производства начинали работать более рентабельно, выплачивать ссуды, богатеть, наращивая потребности.

Первое десятилетие существования государства было периодом кибуцного бума, за это время было создано 80 новых коммун при том, что за всю предыдущую историю ишува их организовали 135. Правда, потом стали преобладать мошавы — кооперативные сельскохозяйственные поселения, основанные на совместном владении техникой и общем сбыте продукции, но при индивидуальном землепользовании и частной собственности на имущество. Такое изме-

нение форм хозяйствования было связано с иным характером алии. Начиная с пятидесятых годов в Израиль переселялись не столько идеалистически настроенные молодые ашкеназы, воспитанные на халуцианских идеях, сколько выходцы из стран Азии и Африки — сефардские торговцы и ремесленники, которым были органически чужды принципы коллективного труда и свойственны патриархальные семейные ценности. Естественно, мошав, где кооперация оказывалась минимальной и основной хозяйственной ячейкой становилась семья, был им ближе, чем киббуц.

Тем не менее, призыв, с которым Бен-Гурион обратился к киббуцам сразу же после завершения войны за независимость — принять новых иммигрантов и увеличить производство продуктов питания, — восприняли во всех сельскохозяйственных поселениях. В нем были отражены две главные задачи, возникшие в ходе мирного строительства молодого государства. Эти две взаимосвязанные задачи были беспрецедентны в человеческой истории. Ни одно государство не сталкивалось со столь массовым наплывом новых граждан в такие короткие сроки. В момент провозглашения Израиля в нем насчитывалось 713 тысяч евреев и 120 тысяч арабов. И за последующие три года еврейское население страны удвоилось.

Первое, что провозгласил Кнессет, было право на алию евреев, подразумевавшее отмену всех ограничений иммиграции, введенных режимом британского мандата, право, за которое ишув боролся десятилетиями. Теперь оно было воплощено в «Законе о возвращении». И уже во второй половине 1948 года в Эрец прибыло сто тысяч новопривывших. В следующем году их стало 240 тысяч, потом в течение двух лет по 170 тысяч.

Представьте себе эти пестрые разноязыкие человеческие потоки, хлынувшие на узкую полоску земли у Средиземного моря. Обитатели лагерей перемещенных лиц, пережившие Холокост, чешские, польские, болгарские евреи, экзотические обитатели Турции, Ирана, Марокко, Йемена — разный облик, жизненный опыт, ментальность. Их объединяли разве что религия да древняя кровь, не растворившаяся среди окрестных народов за тысячелетия галута. Этим людям надо было безотлагательно предоставить хлеб, работу, жилье. Создание сельскохозяйственных поселений — киббуцев и мошавов — теперь уже было не просто одним из идеалов сионизма, а средством абсорбции новопривывших и решения продовольственной проблемы, предельно обострившейся в условиях бурно растущего населения.

Я, человек, выросший в советской России, где продовольственная проблема всегда была первоочередной, где воспоминание о дешевой вареной колбасе до сих пор томит воображение стариков, пытаюсь понять, каким образом страна, начинавшая с введения карточек на продукты питания и одежду, сумела за считанные годы не просто накормить население отечественной едой, но и экспортировать продовольствие. В чем причины того, что называется «израильским сельскохозяйственным чудом»?

После этого вопрошания меня неотвратимо уносит к теме жратвы — того избытка продуктов, которое породило в стране своего рода культ еды, ставшей в соответствии с известным афоризмом еврейским национальным видом спорта. В самом деле, пишешь о России, о бытовых, социальных аспектах ее общественного бытия — не уйдешь от темы водки — пьянства как формы жизни, питья, как спутника любого ее проявления. Ну, а в Израиле не пьют, но зато как едят!

Что касается питья, то «русский миллион», конечно, внес в него свой вклад.

Но лет двадцать назад, помнится, как мой друг детства, у которого я жил в Хайфе, сказал после нашего совместного посещения поселка интеллектуалов, где мы ходили по разным компаниям в пятничный вечер: «Ты все-таки здорово обрусел». — «Что ты имеешь в виду?» — «Пить стал». — «Пить? Да я за весь вечер выпил не более ста пятидесяти граммов коньяку». — «А ты видел, чтобы кто-нибудь кроме тебя пил коньяк? Не жалко, конечно. Но ведь ты один его пил. А остальные — вино».

Или разговор с сыном другого моего приятеля, выросшим в Израиле демобилизованным офицером о жизни в армии. Этот парень в общем-то неплохо говорил по-русски, хотя некоторые нюансы, в частности, разницу между понятием «пить» и «выпивать» мне приходилось ему разъяснять в контексте нашего разговора. Я спросил, пьют ли в армии. Он кивнул: «Пьют». — «А что пьют?» — «Кофе». — «Подожди, подожди. Ну, вот пришли вы из патруля, кругом опасность, нервы напряжены, стресс надо снять?» — «Надо». — «Наверное, выпить надо». — «Надо» — «Пьете?» — «Пьем». — «А что пьете?» — «Кофе». Так ни до чего и не договорились. А уж когда я его о «дедовщине» пытался расспрашивать, он вообще ничего не понял, просто не понял, как такое может быть.

Ну, да бог с ним, с питьем. Поговорим о жратве. Включаю русскоязычный израильский телеканал в чайнии новостей или аналитических передач и наталкиваюсь каждый раз на целый букет однотипных программ: «Хочу все съесть», «Есть готов!», «Наша кастрюля». Оно, конечно, и в России Иван Ургант в программе «Смак» с легкой руки Андрея Макаревича каждую неделю превращает телестудию в кухню, призывая к плите всяких популярных людей. Но здесь на одном канале, да в трех, если не в пяти разных передачах с таким сладострастием жарят, парят, едят, привлекая к этому действию своих знаменитостей, и в том числе нашего «знатока» Леонида Каневского, что порой просто невмоготу становится.

Так было не всегда. Страна знала, что такое голод, недоедание. Голда Меир, начинавшая свою палестинскую жизнь в кибуце «Мерхавия», рассказывает в мемуарах, как они питались в 1921 году. «Наш рацион состоял из прокисших каш, неочищенного растительного масла, некоторых овощей с бесценного кибуцного огородика, мясных консервов, оставшихся после войны от британской армии и еще одного неопишуемого блюда, которое готовилось из "свежей" селедки в томатном соусе».

Я, было, посочувствовал бедным идеалистам, которые в ходе реализации своего утопического проекта вынуждены были питаться прокисшей кашей да британскими мясными консервами, но вспомнил, что в России, где другие идеалисты пытались осуществить свою коммунистическую утопию, в том же 1921 году был такой голод, что в селах, по свидетельству писателя Михаила Осоргина, работавшего во «Всероссийском комитете помощи голодающим», людоедство стало обыденным явлением, а число умерших от голода в стране достигло пяти миллионов человек.

Дальнейшее сравнение быта двух стран — плацдармов великих утопий — дает сочные подробности того, как ели-пили. Вот председатель послевоенного российского колхоза Ананий Егорович из очерка Федора Абрамова «Вокруг да около» возвращается домой, измученный неразрешимыми проблемами своего хозяйства, и садится ужинать. «Он потыкал вилкой сухую картошку, потыкал грибы — и со вздохом отодвинул тарелку». Затем, так и не поужинав, он в отчаянии уходит в чайную, где и напивается с мужиками до потери сознания.

У героя рассказа Моше Шамира «Пока не забрезжил рассвет», распределителя работ Кафри (есть в кибуце такая руководящая должность) тоже неважное настроение в октябрьский вечер 1945 года. Его хозяйство, как и колхоз Анания Егоровича, накрыл дождь, он запутался с графиком работ, понервничав, обидел друга. Словом, причин чувствовать себя измученным немало, да и поужинать он в этой круговерти забот забыл, но придя поздно вечером в столовую, убедился, что ужин его ждет на плите.

«Ужин оказался вкусным. Котлеты еще горячие — он сразу почувствовал по запаху. Жареная картошка мягкая, румяная, пропитана жиром, как он любил. Под котлетами хорошо прожаренный омлет. На плите стоял кофейник, над которым вился легкий пар, а на столе — миска со свежими овощами, ломти хлеба, маргарин и творог».

Кафри ужинает, пьет кофе. Все в соответствии с воспоминаниями сына моего друга о его военной жизни: «Надо снять стресс — пьем кофе». Такое сочное описание ужина, такое отношение к еде — не следствие ли это прошлого народа, где в голоде и недоедании вырастали многие поколения обитателей местечек?

Создание государства Израиль в корне изменило продовольственную ситуацию в стране. Надо сказать, что и ранее еврейские сельскохозяйственные поселения лишь на 35 процентов покрывали потребность жителей в продуктах питания. Остальное покупалось у местных арабов и в соседних странах — в Сирии и Ливане. Но после войны за независимость связи с этими странами прервались, да и сельскохозяйственное производство местных арабов вследствие бегства части из них и экспроприации их земель также уменьшилось. Арабский сектор продолжал играть заметную роль лишь в разведении маслин и соответственно — производстве оливкового масла, а также в овощеводстве и овцеводстве. Пришлось ратационировать потребление продуктов, вводить карточки и другие ограничительные мероприятия, которые назывались «режим аскетизма».

Этот режим продержался десять лет. В 1959 году карточки были полностью отменены. За десятилетие производство молока в стране увеличилось в 3,5 раза, яиц — в 3,8 раза, куриного мяса более чем в 9 раз, говядины — в 12,5 раза, картофеля — в 3,3 раза, пшеницы — вдвое. Теперь доля продукции местного производства составляла 70 процентов потребления. Заметим, что еще десять лет спустя, в семидесятые годы эта доля достигла 90 процентов, что полностью решает проблему продовольственной безопасности. По международным стандартам, сельское хозяйство считается высокотоварным, если один занятый в нем может прокормить от 30 до 50 человек. В Израиле сейчас это соотношение 1 к 100. Используя парафраз знаменитого рассказа Щедрина, можно обозначить эту ситуацию следующим образом: как один крестьянин сто горожан прокормил.

Успех уже первого десятилетия существования государства стал следствием коренных структурных изменений в аграрном секторе экономики, стимулированных тем же государством. Страна, у новоявленных жителей которой, казалось бы, на протяжении десятков поколений был генетически вытравлен вкус к работе на земле, использовала интеллектуальный потенциал своего населения для освоения самых современных организационных и технологических методов ведения хозяйства.

Помню, как меня, спецкора российской аграрной газеты, повидавшего мелиоративные системы во всех регионах Советского Союза, в начале девяностых годов поразило капельное орошение, практиковавшееся в Израиле с начала

пятидесятых годов. Вода подавалась специальными крохотными капельными дозаторами малыми дозами прямо в прикорневую систему растений, так что зря не расходовалось ни капли, и это во времена, когда в советской Средней Азии в ходу был кетмень, прокладывающий дорогу мутным потокам арыков, где едва ли не половина воды бесплодно уходила в почву. Тут же не только сбережение воды получалось, но и экономия труда, удобрений, предотвращение эрозии почвы, да и урожаи получались более ранние.

Я это видел в мошаве в секторе Газа, где выращивались изумительные цветы, в тот же день уходившие на рынки Европы. Что-то теперь случилось с этим хозяйством, с этой оросительной системой? Говорят, арабы все, что осталось в секторе от израильтян — дома, синагоги, мелиоративные системы — разрушили с яростью, с которой уничтожают наследие врага.

В те же пятидесятые годы, когда создавалась эта система орошения, в Израиле была введена государственная система страхования от неурожая, произошел отказ от традиционного многоотраслевого хозяйствования и переход к специализированному развитию отраслей с учетом климатических условий, почв, размеров угодий. Американские займы, экономическая помощь диаспоры, средства германских репараций, вокруг которых разгорались столь ожесточенные споры в стране (как можно брать деньги за кровь и пепел Холокоста!) — все формировало финансовые источники кредитов, уходивших на ирригационные проекты, создание новых поселений, средства механизации труда.

На каких условиях предоставлялись кибуцам эти займы? Кредиторами были государственные ведомства, инвестиционные фонды кибуцных федераций и банков, «Еврейское агентство», которое после образования государства давало ссуды на 25-30 лет при норме ссудного процента 3-3,5 процента да еще при отсрочке начала их погашения на десять лет. Если учесть, что уровень инфляции с начала сороковых годов не опускался ниже пяти процентов, то эти займы были более чем беспроцентные. Но «Еврейское агентство» не могло обеспечить все финансовые потребности кибуцев. Банки же давали кредиты не на столь льготных условиях — учетная ставка составляла 8-10 процентов, а срок погашения был 10-15 лет.

Надо сказать, что эти средства использовались весьма эффективно. Показатели производства росли как на дрожжах. Надой молока в стране между 1949 и 1984 годами увеличился в десять раз. Израильская корова стала мировым рекордсменом по этому показателю. Среднегодовая урожайность пшеницы в семидесятых годах составляла 29 центнеров с гектара (в Советском Союзе в это время собирали вдвое меньше — 14-15 центнеров). По темпам роста аграрной продукции на одного работника Израиль вошел в число самых передовых в сельскохозяйственном отношении стран мира. При этом доля кибуцев в общей стоимости сельскохозяйственной продукции в 1960 году составляла 31 процент.

Роман кибуцного движения с государством не мог продолжаться вечно. Он длился до той поры пока у власти стояло правительство социалистов-сионистов, то есть без малого тридцать лет. В 1977 году произошло то, что в истории современного Израиля называется переворотом. В результате выборов в Кнессет число депутатов левых партий уменьшилось до 41, а правых и центра увеличилось до 62 и формирование правительства было поручено главе блока «Ликуд» Менахему Бегину, много лет находившемуся в оппозиции.

Почему это событие обозначено как «переворот», ведь смена правительства и уход правящей партии в оппозицию — дело обыденное, каждые несколько лет

происходящее в любом демократическом государстве? Здесь нам придется напомнить читателю, что на политической арене Израиля еще со времен ишува действовали две главные силы, отражающие левое и правое идеологические течения сионизма, две главных ветви этого древа, посаженного Теодором Герцлем.

Одна ветвь возникла в результате прививки на это дерево социалистической идеологии. Такую прививку совершил в России в начале прошлого века публицист и общественный деятель Бер Борохов. Стремясь найти выход из противоречия между сионизмом и социальной революцией, он выдвинул концепцию, согласно которой еврейские массы, вытесняемые в диаспоре капиталистическим развитием и экономическим антисемитизмом, должны концентрироваться в Палестине. Именно им предстоит создавать национальную экономику, которая станет основой классовой борьбы еврейского пролетариата.

Такого рода идеология воплощалась в партии, которая на протяжении почти столетия меняла название, будучи, однако, верной своим основополагающим принципам. Сначала это название звучало как «Поалей Цион» — Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Рабочие Сиона», потом, вбирая в себя другие близкие политические течения, она обрела имя «Мапай» — Рабочая партия Эрец-Исраэль. И, наконец, в наше время стала партией труда — «Авода» — оставаясь левым крылом сионизма. И это крыло, сформированное представителями первой и второй алии, до семидесятых годов прошлого века занимало лидирующее положение в обществе, во власти, создав модель государства со всеми его слагаемыми, среди которых была и Федерация профсоюзов — «Гистадрут», и армия (в ишuve подпольная — «Хагана», а потом — в рамках государства — «Цahal»), и, наконец, — кибуцное движение. И не случайно, лидер «Мапай» Бен-Гурион был первым и многолетним главой правительства Израиля.

Но у сионизма имелось и правое крыло, в центре которого находилось движение сионистов-ревизионистов (имеется в виду ревизия политической линии руководства Всемирной сионистской организации двадцатых годов), созданное другим знаменитым лидером Зеевом Жаботинским, идеологию которого наследовала партия «Херут» («Свобода»), а в девяностые годы — блок «Ликуд».

Жаботинский и его последователи исповедовали взгляды, альтернативные социалистическому мировоззрению левого крыла, обвиняя его в двойственности сознания, в стремлении совместить национальные и классовые цели. Для ревизионизма национальные интересы превалировали над классовыми, групповыми и в соответствии с этим принципом, выраженным в формуле «хад нес» — «только одно знамя», резкой критике подвергался «Гистадрут» как выразитель интересов рабочих в трудовых конфликтах, кибуцное движение, получавшее финансовую поддержку вопреки запросам частных фермеров, и ряд других проявлений классового подхода. Соответственно идеология этого движения включала в себя поддержку свободной экономики, основанной на частном предпринимательстве и конкуренции, отрицание классовой борьбы в период построения еврейского государства, неприятие забастовок — трудовые конфликты, по мнению ревизионистов, должны разрешаться путем принудительного третейского арбитража.

Это противостояние социалистического и националистического начал в тридцатые годы выливалось в яростные столкновения вокруг забастовок и рабочих демонстраций, доходившие до физических драк. Но при всем том

социалисты плотно держали бразды правления страной в своих руках, следуя своему экономическому и политическому курсу вплоть до середины семидесятых годов, когда произошел пресловутый переворот.

Он произошел не сам по себе. К этому времени в обществе накопилось раздражение господством левых, их засильем в политике, культуре, экономике, просчетами в безопасности страны, обнаруженные «войной Судного дня», постоянно выявляемыми фактами коррупции партийной элиты. И вот правые побеждают на выборах в Кнессет и «вечный оппозиционер» лидер «Ликуда» Менахем Бегин становится премьер-министром, формируя коалиционное правительство. Это правительство и провело реформу, целью которой было уменьшение государственного регулирования и либерализация экономики. Были отменены налоги на импорт и прямые субсидии на экспорт, сняты практически все ограничения на операции с валютой, произошла отмена фиксированного курса лиры, отныне он определялся балансом спроса и предложения. Предполагалось ограничить расходы бюджета, но это не удалось, что привело к росту инфляции. Одновременно уменьшились правительственные ссуды на развитие производства, субсидии на основные продукты питания, что повлекло за собой их резкое удорожание.

Все это не могло не отразиться на кибуцной экономике, формировавшейся в условиях наибольшего благоприятствования и государственной поддержки. Освобожденный от государственного регулирования рынок породил растущий диспаритет цен, тот самый диспаритет, который так убийственно отражается на российской аграрной экономике, когда цены на горючее, удобрения, технику растут куда быстрее, чем на сельхозпродукты. В Израиле это явление привело к сокращению посевных площадей. Почти вдвое за десятилетие уменьшились хлопковые поля, значительно сократились цитрусовые плантации, дававшие традиционную продукцию палестинского экспорта. Израильским апельсинам и лимонам стало все труднее конкурировать с испанскими, алжирскими, марокканскими. Дошло до того, что в 1983 году пришлось уничтожить 150 тысяч тонн цитрусовых, не нашедших сбыта на мировых рынках. Все как в советских пропагандистских фильмах тридцатых годов, показывавших «ужасы» капитализма. Правда, и в этой ситуации израильские кибуцы и мошавы проявляли определенную хозяйственную гибкость. На смену цитрусовым как предмету экспорта приходили цветы. Продукция расширившихся цветочных оранжерей находила сбыт на рынках Европы.

Другим испытанием жизнеспособности кибуцев стал конец эпохи дешевых денег. Теперь ставки ссудного процента росли год от года, достигнув в середине восьмидесятых годов своего пика — 85 процентов годовых. В то же время росла и банковская задолженность кибуцев. Для того чтобы платить проценты по долгосрочным займам, они вынуждены были брать краткосрочные ссуды под высокие проценты. Долговая спираль раскручивалась. В конце концов, в середине восьмидесятых годов расходы по обслуживанию долгов превысили валовую прибыль кибуцев, часть которых оказалась на грани банкротства. Банки начали отказывать им в кредитовании. Казалось, близится финансовая катастрофа.

Спасение пришло, как и в прежние годы, от левого крыла сионистского движения. В конце 1988 года социалистический блок «Маарах» частично вернулся к власти, было создано правительство национального единства, в котором пост министра финансов занял старый мапаевец Шимон Перес. Он, собственно, и стал инициатором решения проблемы кибуцных долгов. Через год

после бурных дебатов было принято трехстороннее соглашение кибуцного движения, банков и правительства, в соответствии с которым один миллиард шекелей долгов был просто списан, а погашение 650 миллионов шекелей министерство финансов отложило на неопределенный срок. Более того, для продолжения хозяйственной деятельности кибуцы получили заем на 3,5 миллиарда шекелей сроком на 25 лет при 4,5 процента годовых ссудного процента.

Разматывая клубок российских ассоциаций, неизбежных при анализе истории кибуцного движения, я вспомнил, как в конце тех же восьмидесятих годов я присутствовал на сходе общины поволжского села Малячкино, в жизни которого в силу своих журналистских интересов принимал участие. Дело в том, что малячкинцы решили отделиться от совхоза, объединявшего десяток деревень, и создать свой сельский колхоз, что было для них естественнее и удобнее, чем входить в крупное хозяйственное формирование. Этот шаг тогда, на закате советской власти казался революционным именно вследствие своей самостоятельности. Как? Без соизволения властей, на свой страх и риск создавать новый колхоз?.. Такого еще не было. Но именно это самовольство и привлекало меня, и я поддерживал общину через свою довольно влиятельную тогда в России газету.

Сход обсуждал возможности инвестиций в хозяйство. У общины нашелся сильный покровитель — нефтеперерабатывающий завод, который готов был провести полное социальное и экономическое переустройство села при условии, что колхоз станет подсобным хозяйством предприятия.

— Так как нам быть? — спрашивал недавно избранный председатель. — Самим поднимать хозяйство или стать аграрным цехом, подразделением завода?

В зале наступила тишина.

— Может все-таки самим? — раздался голос. — Набрать кредитов побольше, а там посмотрим. Может, и спишут их нам. Раньше-то списывали.

— Теперь не спишут, — отозвался другой крестьянин. — Ты газеты-то почитай.

Он оказался прав — этот сельский читатель газет. После многих десятилетий, когда власть, отняв у колхозов право самостоятельного хозяйствования, сама решала, кому бедствовать, а кому богатеть, и по своему усмотрению списывала кредиты, освобождая колхозы от долгов, которые они все равно не могли выплатить, после десятилетий этого административно-партийного террора власть, став уже новой и во всяком случае некоммунистической, вернула селу экономическую свободу, предоставив колхозам право умирать в тисках финансовых обязательств.

И я, разъезжая по российской глубинке уже в девяностые годы, сколько ж видел сел, где колхозы исчезали, прекращали свое существование, не имея возможности расплатиться с банками и отдав все свое общественное имущество — скот, технику, производственные сооружения — на распродажу в счет долга, сколько крестьянских дворов, хозяева которых после исчезновения колхоза жили только за счет личного подсобного хозяйства.

Вернувшись в Израиль, скажем, что бросив спасательный круг кибуцному движению, государство вместе с тем преподало ему жестокий и внятный урок: надо жить по средствам, уметь хозяйствовать в условиях рынка, отвечать за долги, рассчитывать на себя, а не на политическую власть. И урок пошел впрок.

Можно даже сказать, что рынок преподал урок кибуцу, который, усвоив

его, вынужден был отказываться от базовых ценностей коммунистической идеологии.

Весной 2010 года в Израиле отмечалось столетие кибуцного движения, начало которого исчисляется от создания в 1910 году первой коммуны «Дгания». По такому случаю в поселении состоялось торжественное собрание, на котором, как и положено на подобных юбилеях, подводились итоги, приводились цифры. Сейчас в стране насчитывается 273 кибуца, в которых живет 126 тысяч человек. Они производят (данные 2006 года) треть всей сельхозпродукции страны в стоимостном выражении — около половины мяса и молока, треть зерновых культур и овощей. Все остальное приходится на долю мошавов и фермерских хозяйств.

Лидирующее положение кибуцев, как по объему продукции, так и по уровню технологии, несомненно. Но одним только халуцианским идеализмом, свойственным первопроходцам этого движения, объяснить поразительные успехи аграрного производства в стране трудно. Скорее в основе сельскохозяйственного чуда Израиля лежит другой фактор — сосредоточенность на такой малой территории (весь Израиль меньше Тульской области) населения с высоким интеллектуальным потенциалом. Реализация этого потенциала позволила развить как высокие технологии, которыми славится страна, так и индустриальное сельское хозяйство, ориентированное на экспорт.

Возвращение на землю Израиля и освоение этой земли, которое сначала происходило по канонам жизни, предписанным отцами-основателями сионизма, проповедниками аграрного социализма, все больше оказывалось под воздействием рынка. Кибуцы теряли свой аскетический коммунальный запал, превращались в агропромышленные объединения, пользующиеся наемным трудом. Земля давала лишь десятую часть поступлений в их бюджет. Но высокая производительность работы на этой земле, освоение инновационных технологий позволяют развивать аграрное производство и гибко реагировать на запросы мирового рынка.

Уже поселенцы начала прошлого века вынуждены были отвечать на вызовы суровой палестинской природы — жаркого климата, заброшенных горных террас, безводья, — мелиорируя земли, отвоевывая поля у болот, прокладывая каналы. Почти половина территории нынешнего Израиля — засушливая пустыня, а на другой половине — горы, холмы и леса.

И, стало быть, приходилось обращать тяготы этой природы, этого климата в достоинства — выводить сорта помидоров, орошаемых соленой водой, выращивать экологически чистую клубнику, поднимая ее на метровую высоту, получать под специальными сетками столь ранний виноград, что он при попадании на зарубежный рынок не имеет конкурентов. А хлопок, который поливается канализационной водой, прошедшей несколько степеней очистки, хлопок, собираемый без участия человеческих рук, хлопок — коричневый или зеленый — в расчете на причудливый вкус зарубежного потребителя, экзотические черные арбузы, красные бананы, кабачки в форме блюдца. За всем этим — высокий уровень развития биотехнологии и других отраслей науки, работающих на аграрный процесс.

Стал ли Израиль аграрной страной? Пожалуй, что нет. Но урок истории состоит в том, что люди вернулись на эту землю, живут и работают на ней, используя каждый плодоносный ее клочок, проникая в пустыню, которая становится резервуаром грядущего расширения и освоения территорий.

Лиана Алавердова

Ехали-ехали и куда же мы приехали?

Социалистические Штаты Америки глазами эмигрантки

Написала подзаголовок и испугалась: не сгущаю ли краски?

Неожиданно вспомнился Хрущев. В своей книге воспоминаний Ричард Никсон писал: «Тридцать два года назад в Москве Хрущев высокомерно предсказал мне: “Ваши внуки будут жить при коммунизме”. Я ответил: “Ваши внуки будут жить на свободе”. В то время я был уверен, что он неправ, но не был уверен в своей правоте. В результате новой советской революции было доказано, что я был прав. Внуки Хрущева теперь живут на свободе». Комментарии излишни? Или?..

«Что плохого в социализме?» — спросила меня как-то моя коллега по работе, американская библиотекарша. Я набрала в легкие воздуха и... промолчала. Недаром у англичан, да и у американцев, самое безопасное и надежное — разговор о погоде. О политике говорить не рекомендуется, о религии ни-ни, чтобы не оскорбить ненароком чьи-то чувства, а о сексуальной ориентации вообще — боже упаси! Для моей сотрудницы, которая, спустя некоторое время, объявила мне ничтоже сумняшеся, что она вообще-то социалистка, вопрос был вполне риторическим. Она искренне убеждена, что плохого в социализме ничего нет, только хорошее. Эта же коллега сочувствовала участникам движения «Оккупируй Уолл-Стрит», захлестнувшего Нью-Йорк в 2012 году. Тогда разношерстная толпа, часть которой принадлежала к среднему и даже состоятельному классу, к белой образованной элите, и которая была изрядно разбавлена молодыми бездельниками, наркоманами, хулиганами и безработными, разбила палаточные стойбища в центре Манхэттена. Протестующие возмутились тем, что финансовые круги недостаточно пострадали от недавнего финансового кризиса и тяжесть пришлось на средний класс и бедные слои населения. Между тем большинство пожертвований в фонд этого мероприятия поступило

Лиана Алавердова родилась в Баку, закончила исторический факультет АзГУ. Работала в Институте философии и права Академии наук Азербайджана. С 1993 года живет в Бруклине, работает в Бруклинской публичной библиотеке. Автор поэтических сборников, эссе, статей, переводов с английского и азербайджанского языков, которые неоднократно публиковались в журналах, газетах и альманахах в Азербайджане, России и Соединенных Штатах.

от верхушки среднего класса. Никакой внятной программы у них не было, так что движение, просуществовав год, сошло на нет. «Мы — 99%!» — гласил один из лозунгов «оккупантов», имелось в виду, что они солидарны с 99% американцев, но не с 1% самых богатых людей страны. В то время как владельцы близлежащих кафе и жители окрестных домов, которым не повезло оказаться в эпицентре событий, жаловались на загаженность своего жизненного пространства (шум, грязь, теснота), прекраснодушная американская интеллигенция сочувствовала охламонам, а не стражам порядка. Борьба за равенство! Egalite! О, чудный лозунг Французской революции, во имя которого летели головы и лилась кровь с эшафота! Да что там Французская революция, когда во имя этого лозунга — и Ленин, и Хо Ши Мин, и Че Гевара, и океаны крови пролиты, а идеал по-прежнему недостижим... Более того, он переключался из относительно реальной сферы в потусторонние дали. Пока худо-бедно существовал Советский Союз и страны социалистической системы под его слабеющим протекторатом, у западной интеллигенции было раздвоенное отношение к этому реальному феномену: ей мучительно не хотелось верить в ужасы реальных репрессий и человеческих страданий, стоявших за благородной вывеской высоких целей, но ориентация на гуманистические идеалы все же заставляла признать самим себе в очевидном несоответствии показной безобидности (для внешних и внутренних оппонентов) вышеназванных режимов и их истинной сути. Сейчас же, после распада социалистического блока, островки Кубы и Северной Кореи являют собой поистине жалкое зрелище, а монструозный Китай, гибрид социализма и капитализма, непонятен, и будущее его темно.

Многим в Америке, особенно молодежи, на ее счастье не выдавшей радостей социализма, борьба за социальные блага и справедливое распределение и перераспределение кажется благородной и нужной. По опросу общественного мнения Расмуссена, проведенному в апреле 2009 года, только 53% американской публики верит, что капитализм лучше, чем социализм, 20% считают наоборот, а 27% не определились со своим мнением. Что касается молодежи до 30 лет, то 37% стоят за капитализм, 33% за социализм и 30% не определились с мнением. Такие молодомысленные настроения не случайны. Помню, как-то в верхнем Манхэттене в районе Колумбийского университета ко мне подступили молодые люди, распространявшие брошюры с социалистической пропагандой. Так я (чур меня!) отшатнулась от них, как от бесовщины. Но не таковы молодые американцы, которым, калькируя здешнее выражение, «промывают мозги» сызмальства. Со школьной скамьи они усваивают комплекс вины белого человека и слышат о том зле, который несут миру американские корпорации и американский пресловутый военно-промышленный комплекс. Оказывается, советская пропаганда весьма живуча и пережила реинкарнацию в самой сердцевине Америки, под носом у простодушного дяди Сэма. Администрация многих вузов, получающих федеральную помощь, не допускает представителей министерства обороны рекрутировать молодых людей в армию, то есть приглашать добровольцев. Да что там безымянный молодняк! С тезисом о зле американских корпораций недавно выступила предо мной младшая дочь, только начавшая свой путь обучения в американской высшей школе. Более того, она была очень удивлена тем, что я смею возражать против этой аксиомы! То ли еще будет, когда она станет магистром, а то и доктором наук, как грозитя! Что бы делали она и ее друзья, которые жизни не представляют себе без своих компьютеров, мобиль-

ников и других современных игрушек, ставших доступными благодаря частной инициативе и пресловутой капиталистической погоне за наживой?

Другая дочь, приступая к учебе на социального работника в Нью-Йоркском университете, услышала на ориентации для новичков: «Кто за социальную справедливость?» Большинство рук взметнулось вверх. «Кто не поднял руки, идите в школу бизнеса. Вам не место здесь», — провозгласил оратор. По свидетельству одного профессора из университета Среднего Запада, дававшего интервью журналисту и пожелавшего остаться неизвестным по вполне понятным причинам, безотносительно к предмету изучения, «студентов учат одному и тому же снова и снова: радикальной критике социальной структуры Америки, осуждению капитализма, антихристианской пропаганде и превосходству коллективизма над индивидуализмом» (Jack Kenny «Higher Education: Brainwashing 101», July 24, 2013 www.thenewamerican.com). По результатам опроса двадцати четырех тысяч студентов, который провела Ассоциация американских колледжей и университетов, было обнаружено, что только 30% выпускников колледжей были полностью согласны с утверждением «Безопасно иметь непопулярные взгляды на территории университета». Более того, только 16,7% преподавателей согласились с этим утверждением. Как видим, пришел конец интеллектуальной свободе в американской высшей школе, увы. Левая идеология не уступает правой в воинственности и нетерпимости.

Идея справедливого распределения мила сердцам и миллионов легальных и нелегальных эмигрантов, включая многих наших бывших соотечественников. О, как они обожают то, что можно обозначить сладко-тошнотворным словом «халява»! Как говорит популярный радиоведущий Davidson Radio Вадим Ярмолинец, не успевают государство объявить о том, что раздает нечто бесплатно, будь то помощь жертвам урагана, возврат денег с налоговых поступлений или еще что-либо, как тут же протягиваются руки со всех сторон: «Мне! Мне! Мне!» И чем больше западные страны наводняются пришельцами из третьего мира, тем громче будут голоса миллионов, зависимых от государственной поддержки. США не является исключением.

Колумб думал, что приплыл в Индию. Мы летели в США, а прилетели? Мы попали в многоцветье: расовое, национальное, лингвистическое, культурное, во все возрастающей степени наполненное выходцами из стран третьего мира, не говоря уже о втором (то есть, из бывших социалистических стран). Они не имеют «прививки» от социализма и к лозунгу Обамы «spread the wealth», что по сути является призывом разделить богатство, относятся благосклонно. Все эти пришельцы верят в государство больше, чем в самих себя, и американский индивидуализм, благодаря которому эта страна вымахала в супердержаву, слабеет, хиреет и теряет почву под ногами. Пресловутая «американская мечта» не умерла, но съезжилась и отдалилась. Некогда она состояла в том, чтобы собственными силами выстроить свой дом, семью, свой бизнес, добиться успеха и т.д. и т.п. — кому что подсказывало богатство фантазии. Однако этой мечте (в основании которой лежит семейный диккенсовский идеал, не так ли?) наступает на пятки любовь к халяве при отсутствии каких бы то ни было амбиций. Как пародия на «американскую мечту» — шаровой ее вариант у многих иммигрантов, состоящий из сменяющих друг друга видов социальных пособий в зависимости от возраста и трудоспособности.

Обложить большими налогами богатеев — и страна решит свои финансовые

проблемы? Именно к этому призывает нынешний президент-популист. Если бы все решалось так просто! В реальности даже если содрать с миллионеров и миллиардеров три шкуры — все равно нельзя погасить огромный растущий американский долг. Бюджетный дефицит США составляет 900 миллиардов, и государственный долг в декабре 2012 года впервые превысил валовой национальный продукт. Как ни богата Америка, но и ее фондов не хватает, чтобы утолить растущие аппетиты масс. И вот уже богатая Калифорния со своими знаменитыми на весь мир Голливудом и Силиконовой долиной, становится штатом-банкротом. Почему? А потому, что даже этот богатый штат не может справиться с девятым валом эмигрантов, в основном из Мексики, которые тут же становятся налоговым бременем, претендуя на бесплатную медицину, образование для детей вплоть до окончания средней школы и массу других льгот. Все меньше людей платит налоги и все больше людей эти налоги проедают. Поколение бейби-бумеров (те, кто родились в США с 1945 до 1959 года, когда солдаты вернулись с войны и стали обзаводиться большими семьями) стареет и выходит на пенсию, а у их детей семьи поменьше и трудностей побольше. Зато постоянный приток свежей рабочей силы осуществляется за счет эмигрантов.

Между тем, эмиграция для США — это благо, напоминающее троянского коня. Никогда в истории на Америку не накатывала приливная волна иммиграции подобной силы: 40,4 миллионов иммигрантов, включая 11,1 нелегальных, проживает в США в настоящее время. Для сравнения — в 1990 г. их было около 20 миллионов. Сегодняшнее количество эмигрантов в США превышает число всех эмигрантов, попавших на нынешнюю территорию страны со времен Колумба. Что касается России, то она стабильно продолжает поставлять в США эмигрантов: с 1986-го по 2012 год новоприбывших насчитывалось 476 306 человек, а если мы к ним прибавим 306 203 новичков с Украины и добавим другие республики бывшего СССР, то получим миллион русскоговорящих эмигрантов, прибывших в Америку относительно недавно. Но и эта цифра покажется каплей в иммиграционном море, где превалирует Мексика, давно уже уяснившая для себя преимущества перекачивания рабочей силы в США и выкачивания денег оттуда же. Такую разнородную массу никакой стране невозможно было бы переварить, не испортив желудка. Современные политические и интеллектуальные элиты США, давно сменившие концепцию «плавильного котла» на плюралистическую «мозаику», перед собой такой задачи даже и не ставят.

Без сомнения, многие эмигранты тяжело работают, но в еще большей степени происходит перекачивание денег из государственных и городских фондов в поддержку эмигрантов и их семей. Все это считается в порядке вещей и государственной идеологией не ставится под сомнение. Выскажи другое мнение — воспоследуют обвинения в расизме и ксенофобии, то есть ты будешь предан анафеме.

Может ли страна справиться со своими проблемами без эмигрантов? Такой эксперимент немислимо поставить в современных условиях. Эмигранты же в большинстве своем нуждаются во всех видах бесплатных услуг и помощи от государства. По подсчетам Heritage Foundation, в среднем семья нелегальных эмигрантов потребляет на 14 с половиной тысяч долларов в год больше, чем вносит налогами, а содержание нелегальных эмигрантов в целом обходится стране в 54 миллиарда долларов в год. Предложенная иммиграционная реформа

дела не поправит, так как она только увеличит стоимость содержания семей иммигрантов в недалеком будущем, когда они смогут воспользоваться всем спектром правительственной помощи.

Любопытна в этом отношении психология наших иммигрантов. С одной стороны, всеми фибрами души и прошлого опыта они за халяву, следуя затверженной сызмальства логике (не от хорошей жизни, само собой): дают — бери! С другой стороны — будучи обогащены опытом жизни при социализме, они скептически настроены по отношению к государственной машине и либеральной пропаганде. То есть, ближайшие экономические интересы склоняют их в сторону демократов, а политические симпатии больше — к республиканцам, например, они в большинстве своем стоят за смертную казнь. Исключением является право на аборт. Наши эмигранты — решительные сторонники этого права, в отличие от большинства религиозно настроенных американцев, будь то протестанты или католики. Не нравятся им также идеи Affirmative Action, системы, берущей свое начало со времен правления президентов Джона Кеннеди и Линдона Джонсона. Призванная смягчить экономическое неравенство, эта система склонила чашу весов в другую сторону, при приеме на работу и поступлении в престижные учебные заведения отдавая предпочтение представителям расовых меньшинств, главным образом афроамериканцам (которых только так и дозволено называть, а никак не иначе!). Позднее к системе особых льгот и преимуществ присоединились американские индейцы и латиноамериканцы. Против подобного подхода возражают многие на том простом основании, что справедливость должна подразумевать отсутствие дискриминации, а не систему квот и по블ажек. В идеале обществу следует быть colour blind, то есть «слепым к цвету».

Мы выросли под сенью советской идеологии с ее идеями социалистического интернационализма. Дети советских эмигрантов росли в США под сенью идеологии мультикультурализма и священных прав меньшинств. Не поймите меня неправильно: я за права всех без исключения, в том числе всяческих меньшинств: расовых, сексуальных — каких угодно. Но я за *равные* права, а не за предоставление преимуществ по причине цвета кожи или половой принадлежности.

В Советском Союзе было правилом назначать в союзных республиках на ответственные должности представителей коренной национальности. В США стараются компенсировать историческую несправедливость по отношению к женщинам и расовым меньшинствам. То и дело раздаются голоса: «Почему мало афроамериканцев среди начальников пожарной охраны? Почему мало женщин на руководящих должностях?» А то, что профессия пожарного не является среди чернокожих столь же притягательной, какой она издавна была у ирландцев и итальянцев, и что далеко не все женщины стремятся к карьерному росту, — это мелочи, не стоит обращать внимания! Главное — чтобы статистика была в ажуре. Между прочим, не успели афроамериканцы добиться равных прав, как тут же стали требовать преимуществ и льгот при устройстве на работу, приеме в университеты и пр. Страна же всегда проповедовала принцип meritocracy, то есть чтобы человек получал продвижение по службе только исходя из его персональных качеств и заслуг, а не потому, что у нас мало женщин или расовых меньшинств в руководстве — давайте, мол, «разбавим» его немного! Дошло уже до того, что интересы общественной безопасности оказались под угрозой, когда

правозащитники стали судиться с полицией Нью-Йорка по поводу практики «Останови и обыщи» на том основании, что полицейские почему-то больше всего останавливают на улицах не белых старушек, а молодых афроамериканцев или мексиканцев. А то, что они составляют основной контингент тюрем — это мелочь, статистика. Главное, чтобы, не дай тебе Боже, не были задеты тонкие чувства меньшинств и их общин! Поэтому Голливуд кормит нас фильмами, где представляется идеальная картина мира: чернокожие начальники, непременно изображенные в положительном свете, поучают неразумных белых подчиненных, и даже библейский Самсон — тоже чернокожий (почему бы и нет?), американские индейцы, в противоположность белым безжалостным пришельцам, представляются исключительно мудрыми друзьями природы, заботящимися об экологическом равновесии, а женщины побивают храбростью и сметливостью мужчин — в общем, мир творится по законам вывернутых наизнанку стереотипов, которые постепенно станут принимать за единственную реальность. Что там говорил Геббельс по поводу пропаганды? То-то и оно...

Советская идеология провозглашала гегемоном рабочий класс и зачастую создавала рабочий статус наибольшего благоприятствования (в учебе, получении квартир и т.д.), а в США расовые и религиозные меньшинства не просто пользуются защитой, что было бы вполне оправданно, но являются эдакими «любимцами» элит. Когда идеология подминает под себя здравый смысл, туго приходится всем.

Между тем, согласно недавним результатам опроса общественного мнения Pew Research Center, 75% испаноязычных американцев придерживаются мнения, что большое правительство предпочтительнее, чем малое, причем у новоприбывших иммигрантов эта цифра достигает 81%, и только у испаноязычных иммигрантов третьего поколения она опускается до 58%. По контрасту, в целом 41% американцев стоит за большое правительство. Что касается афроамериканцев, то они в целом возлагают больше надежд на правительство, чем белые американцы. Согласно опросу этого же центра, только двое из десяти белых американцев верят, что правительство в Вашингтоне поступает правильно либо всегда, либо по большей части. Среди чернокожих это соотношение — четверо к десяти.

По категоричному мнению Рональда Рейгана, «правительство — это не решение нашей проблемы. Правительство и есть эта проблема». Первоначальной причиной финансового кризиса 2008 года, вызванного кризисом рынка недвижимости США, было правительственное вмешательство в экономику, когда правительство стало давить на банки, чтобы они давали нестандартные ссуды на жилье как можно более широкому числу людей (включая тех, кто не мог их обеспечить) в наиболее бедных районах с высоким уровнем задолженности по ссудам. Из желания якобы народного блага и быстрого воплощения «американской мечты» возникла огромная финансовая проблема, а две субсидировавшиеся правительством компании недвижимости — Фанни Мэ и Фредди Мак — чуть было не провалились в тартарары. Но правительство их спасло от банкротства, и они еще больше выросли, что в конечном счете ни к чему хорошему привести не могло.

Сама концепция спасения больших компаний от провала, по мнению многих экономистов, неверна, так как дает большим компаниям несправедливое преимущество вместо того, чтобы дать им пройти через нормальный процесс

банкротства и реструктуризации. Во время избирательной кампании популярным лозунгом Обамы был: «Осама бен Ладен мертв, а компания “Дженерал Моторс” жива!» Обама ставил себе в заслугу то, что спас «Дженерал Моторс» от банкротства, дав государству выкупить большую часть акций, но так ли уж нужно было это «спасение»?

Недавно я познакомилась с книгой известного консервативного комментатора Джона Стосселя «Нет, они не могут. Почему правительство все проваливает, а частные лица преуспевают»¹. Шаг за шагом на многочисленных примерах упорный Стоссель развенчивает миф о благотворной роли правительственного вмешательства во все дела. Жизнь учит, возражает Д. Стоссель, что никто не знает достаточно для того, чтобы планировать общество.

«Чем больше власти мы даем правительству контролировать бизнесы, тем больше бизнесов ищут возможности контролировать правительство. Вместо увлеченности изобретением лучших продуктов, они увлечены тем, чтобы устроить теплые отношения с политиками и законодателями». Вместо того, чтобы «исправить» американскую экономику, президент Обама снизил уровень экономической свободы, и США впервые в истории в 2012 году оказались на десятом месте в мире. Почему? Когда правительство субсидирует компании, приобретает долю в них, когда оно облагает высоким налогом корпорации (в США налог на корпорации самый высокий в мире), ни к чему хорошему это не ведет. В Гонконге автор смог начать свой бизнес за один день, в штате Делавер на это ушла неделя, в Европе — месяцы.

В октябре 2013 года, когда демократы не могли договориться с республиканцами о бюджете — нижняя палата конгресса не одобряла бюджет, предложенный правительством, — Белый дом демонстративно объявил о приостановке работы ряда государственных ведомств. Мы в это время собирались путешествовать по американскому Западу и пребывали в неопределенности: сбудется ли моя мечта, увижу ли я Большой каньон и Йосемитский заповедник? Нам повезло, заповедник открыли буквально за один-два дня до нашей поездки. Но многие туристы пострадали. Пострадали также ветераны, которые не могли пройти на закрывшееся кладбище, где захоронены их товарищи. Правительство намеренно давило на больные точки публики, чтобы та винила упрямых республиканцев в перебоях работы государственных служб. В конце концов те дрогнули... и бюджет был утвержден, несмотря на нерешенную проблему сокращения долга.

Идеи коллективизма так же стары для Америки, как сама Америка. Плимутская колония сектантов-пилигримов целых три года, с 1620 до 1623 года просуществовала на этих принципах и... прогорела. По иронии судьбы, именно инвесторы, которые вложили деньги в нее, боялись, что погоня за частной выгодой приведет к их разорению, и настаивали на этом эксперименте. Уильяму Брэдфорду, руководителю колонии, понадобилось три года, чтобы убедиться в провале эксперимента. Он раздал земли в частные руки — и дело закипело!

Следует пояснить, впрочем, что когда американцы говорят о социализме, они не имеют в виду бывшие страны советского блока или Северную Корею. Их они называют «коммунистическими странами». Полная благих намерений американская интеллигенция видит лишь желанный пример социал-демократи-

¹ No, They Can't. Why Government Fails — But Individuals Succeed. Threshold Editions. New York, 2012.

ческих стран Европы вроде Дании и Швеции. Она думает о государственной медицине в Канаде или Германии. Как там хорошо, боже мой! А то, что врачу в Германии надо принять 70 пациентов в день — это мелочь, так же, как мелочь и то, что в Канаде с ее государственной медициной надо ждать операции гораздо дольше, чем в Америке, поэтому многие канадцы приезжают лечиться в США. Медицина там, хоть и стоит на высоком уровне, но отпускается по рации. Скандинавские страны и близко не тратят столько на оборону, сколько США. Поэтому они могут себе позволить такую щедрую «социалку». Но это все мелочи в глазах просвещенной американской интеллигенции. Она давно очарована социализмом (хороший Че Гевара, плохой Кастро, мир читаем, войну пропускаем!), революциями и борьбой за социальную справедливость. Не случайно новая постановка «Отверженных» стала в Америке таким хитом: в фильме воплощается дух борьбы за социальную справедливость, и на церемонии вручения того «Оскара» очень впечатляюще выглядели главные звезды кинофильма, поющие песнь французских баррикад.

Сознание американской элиты раздвоено. Оно и знает, и не хочет знать правду о социализме. Мне запал в память эпизод, который приводила Александра Толстая, дочь Льва Николаевича, в своих воспоминаниях. А. Толстая, убежавшая из коммунистической России через Японию в США, писала о своей встрече с Элеонорой Рузвельт, женой Франклина Делано Рузвельта, тогдашнего президента США. Как ни пыталась Александра Львовна рассказать своей собеседнице о том, что творилось в СССР (о репрессиях, преследованиях и собственном горьком опыте), ее собеседница просто игнорировала сказанное и переводила разговор на другую тему. Та самая Элеонора Рузвельт, на которую буквально молятся американские левые как на воплощение благородства. Но кто пишет учебники сегодня? Левые интеллектуалы, которыми заполнены учебные и научные заведения США. Именно поэтому супруг Элеоноры Рузвельт, президент США, сегодня рисуется как воплощение мудрости и прозорливости, особенно за то, что при нем страна вышла из Великой депрессии, а Ричард Никсон изображается преимущественно в негативном свете уотергейтского скандала. Одни утверждают, что Франклин Рузвельт спас страну от голода, другие (не такие популярные, разумеется) — что методы, какие он использовал, ограндиозив роль государства, были не самыми лучшими. В Америке, безусловно, нет единой государственной идеологии, поскольку тут как минимум две партии, но своя идеологическая «мода», включающая определенные табу и идолы, есть.

Так уж вышло, что наши люди идентифицируют социализм лучше, чем американцы. У наших — историческая память, вьедшаяся в кости! Хочу оговориться, что в основном речь идет о людях среднего и преклонного возраста, тех, кто приехал сюда после сорока, чья психология была сформирована в Советском Союзе. Но, неся на себе родимые пятна советскости, наша община, тем не менее, неоднородна. «Я вам не скажу за всю Одессу», оставляя молодежь за скобками данной статьи, но даже и без нее наблюдается разница в политических симпатиях и предпочтениях. Так оно, собственно, и должно быть...

Вот Обаме долго аплодируют члены Конгресса, а у меня тут же угодливо просыпается воспоминание о докладах наших генеральных секретарей. «Это мы уже проходили», — говорит мне внутренний голос.

Эффективность работы городских учреждений и частных компаний — это,

как говорится, две большие разницы. Если хотите поменьше стресса, гарантированные прибавки за стаж и работать от звонка до звонка, — идите в городское или федеральное учреждение. Туда, кстати, многие эмигранты и устремляются, включая наших; на эти работы, руководствуясь системой Affirmative Action, охотно принимают представителей расовых меньшинств. Сотрудник городского учреждения обсуждает своего начальника-бездельника (за глаза, конечно)? Что он, с ума сошел? Начальник его — плоть от плоти родного советского бюрократа, который не торопился принимать решения и брать на себя ответственность, а откладывал его изо всех сил: авось рассосется! К тому же у начальника есть надежная броня — он член профсоюза, и родственник его работает на самом вершине. Прямо прелесть, до чего все узнаваемо! В частной компании, которая будет нести убытки, вряд ли кто-то будет держать своего нерадивого родственника, по чьей вине эти убытки происходят. А в городском учреждении — сойдет. Стаж работы, прежние заслуги и надежные связи сыграют свою роль. На том и стоим.

Городские библиотеки экономят на карандашах и бумаге и в то же время нанимают административный вспомогательный аппарат, который растёт, как на дрожжах. Каждый из этих чиновников зарабатывает в три раза больше, чем уборщик, но там, наверху, нуждаются в подмоге, а то, что уборщиков и охранников не хватает — для них дело не столь важное. Главный закон бюрократии при любом строе гласит: основная цель — сохранение и воспроизводство, желательно расширенное. Прямо чистая биология! Второй закон бюрократии: за неудачные реформы несут ответственность только неугодные начальству чиновники. Третий: сопротивляться переменам нельзя, это сродни нашему «плевать против ветра». Нужно принимать все перемены с бодрим лицом и идти вперед. Четвертый: как можно меньше решений принимать самостоятельно, как можно больше решений отправлять вверх по инстанциям. Короче говоря, «не высываться». Я могла бы множить эти законы, сиречь нехитрые житейские правила, но все это до боли узнаваемо и потому малоинтересно.

О номенклатуре, господствующем классе Советского Союза, писал Михаил Восленский, который в свою очередь опирался на работу Милована Джиласа, югославского историка, утверждавшего, что основой реального социализма является существование нового правящего класса — номенклатуры. М. Восленский показал в своей книге «Номенклатура», что государство при социализме лишь выполняет волю господствующего класса чиновников, или номенклатуры, то есть является его аппаратом. Номенклатура не просто правящий, она — эксплуататорский класс, присваивающий себе дополнительные блага, произведенные трудящимися. Она стремится сохранить существующий режим, то есть свою власть, всеми пропагандистскими и даже силовыми методами и по натуре своей стремится к экспансии. (М. Восленский говорил тридцать лет назад о распространении идей и практики социализма, мы же можем говорить о том, что современная бюрократия стремится расширять свои ряды для усиления собственной власти и повышать личное благосостояние путем государственного субсидирования, увеличения фондов, зарплат и пенсий (законно) и взяточничества (незаконно)).

Как совершенно точно отметил Восленский, главное для номенклатуры — не собственность, а власть. Хотя и в отношении зарплаты американские бюрократы о себе не забывают. Зарплаты госслужащих, с учетом многочислен-

ных привилегий, вполне могут соперничать с зарплатами в частном секторе. Средняя заработная плата в Вашингтоне, округ Колумбия, то есть там, где сосредоточена государственная элита, — \$73 000. Американская публика возмущена, что конгресс ежегодно повышает себе зарплату с учетом инфляции и ныне (на момент написания статьи) она составляет \$174 000 в год — это в 3,4 раза больше, чем средняя зарплата по стране.

Конечно же, как любая бюрократия, правительственные структуры не выдают своих секретов и покрывают собственные ошибки. Взять хотя бы череду скандалов в обамовской администрации. Как ни доискивается конгресс правды, узнать ее практически невозможно. Кто виноват в том, что оказалось беззащитным американское посольство в Ливии и в результате погибли американский посол и еще несколько человек? Кто виноват в том, что сотрудники налоговой службы чинили препятствия при регистрации консервативных общественных организаций? Кто виноват в том, что велось прослушивание телефонных переговоров, выродившееся в слежку за гражданами, включая деятелей СМИ, которое может осуществляться только с санкции суда? Если под предлогом борьбы с террором государство вторгается в частную жизнь — это скользкая тропа, по которой мы уже ходили: в Советском Союзе органы правопорядка тоже на словах защищали нас от врагов народа, а на деле подавляли инакомыслие. Еще одним скандалом, сильно уронившим обамовский рейтинг, явился провал его реформы здравоохранения, в результате которой миллионы американцев, имевших индивидуально приобретенные страховки, их потеряли несмотря на данное Обамой обещание: если вам нравится ваша прежняя страховка, то вы, мол, сможете ее сохранить.

Правительство, созданное в идеале для того, чтобы защищать жизнь, свободу и собственность граждан, вмешивается абсолютно во все сферы жизни и растет, растет, растет, причем любой кризис используется для усиления власти и контроля. Когда-то все функции социальной помощи лежали на религиозных институтах и благотворительности. В XX веке многие из них взяло на себя государство. Президент Линдон Джонсон объявил войну бедности в 1964 г. Но (странное дело!) процент бедняков не уменьшился, хотя были затрачены триллионы долларов. При этом растут аппетиты и потребности населения, все более и более зависящего от государства, растут государственный сектор и федеральный бюджет, растут зарплаты госслужащих, то есть возникает пузырь, который не может раздуться до бесконечности и когда-нибудь лопнет. Сенатор из Южной Каролины Джим Де Минт заявил, что Соединенные Штаты сползают к социализму. «Мы дошли до того в Америке, что около половины населения получает помощь от правительства, а другая половина за это платит». Традиционные американские ценности — индивидуальная ответственность, умение человека опираться на самого себя, а не ждать помощи от кого бы то ни было, предприимчивость и дух соревновательности — были основой роста и процветания страны. Америка, стоящая с протянутой рукой перед правительственной кормушкой, — это бедствие и начало упадка.

Томас Джефферсон сказал: «Правительство, достаточно большое, чтобы дать вам все, что вы захотите, велико настолько, чтобы отобрать у вас все, что вы имеете». Эти пророческие слова широко известны в Америке. Страны западной демократии, включая США, все острее ощущают, что скатерть-самобранка общественных благ имеет свои пределы...

Вообще, если гипотетически представить себе, что Америка разделится на две части, где одной половиной будут заправлять демократы, а другой республиканцы, то получится очень интересная картина. Вначале, привлеченная поблажками, большая часть населения (47%, как неосторожно проговорился Митт Ромни во время предвыборной кампании, за что на него средства массовой информации спустили всех собак) ринется на демократическую половину, но так как условия для бизнеса там будут не столь благоприятны, то эта половина вскоре разорится, и тогда произойдет отток населения в республиканскую часть. Нечто вроде Восточной и Западной Германии, но без Берлинской стены, а как два сообщающихся сосуда. Но это, конечно, всего лишь полет фантазии...

Америка дрейфует как огромный океанский лайнер, и мощные течения идеологических влияний относят ее в сторону идеалов, которые не были приоритетными для нее изначально и противопоказаны для ее процветания в настоящем и будущем. Американская образованная элита вкупе с представителями международных корпораций то подражает «старушке Европе», которую США приходилось вырывать из двух мировых войн, не говоря уже о других кризисах, то возлагает нереальные надежды на Организацию Объединенных Наций, в подавляющем большинстве состоящую из государств с авторитарными режимами. Большинству наших эмигрантов чужды эти настроения и эти иллюзии, но наша эмиграция в количественном отношении не так репрезентативна, и влияние ее на американскую политику ничтожно.

Не буду отрицать очевидного: социалистические идеалы обладали, обладают и будут обладать огромной притягательной силой для великого множества людей. Но при всем благородстве намерений, как мы знаем, они просто не работают как система, вернее, попытки претворить эти идеалы в жизнь ведут к возникновению авторитарной власти, фактически владеющей всем тем, что на словах объявляется государственным и общенародным.

Понятие социализм имеет несколько аспектов, в том числе и вмешательство государства в развитие общества и экономику, это и позволяет мне предположить, что США как никогда близки к социалистической модели развития. Идеи равенства и справедливости прекрасны, если они воплощаются снизу, через народную инициативу, а не через диктат политических и культурных элит. Конечно, я не верю, что США превратится в ближайшее время в Советский Союз или Северную Корею. Но то, что растущее влияние и вмешательство государства во все поры общественной жизни вкупе с идеологическим прессом может склонить американское общество в сторону, неблагоприятную для частной инициативы, свободной мысли и предпринимательства, с моей точки зрения, бесспорно — и это уже происходит.

Возвращаясь к предсказанию Никиты Сергеевича. Похоже, социалистический вектор развития, напрогноченный им Америке, был указан правильно: логика чисел или чистая демография в конечном счете сделают свое дело. К 2050 году белые американцы окажутся в меньшинстве и, как ни противоречит мое утверждение азам политкорректности, все же скажу: тогда прощай, Америка, бастион капитализма! Здравствуйте, Социалистические Штаты Америки!